

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ЖЮЛЬ КАМБОН

ДИПЛОМАТ

*Перевод с французского
под редакцией и с предисловием
А. А. ТРОЯНОВСКОГО*

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1946

Русский перевод книги «Дипломат» Жюль Камбона сверен по французскому изданию: «Le diplomate» par Jules Cambon, Paris 1926.

Примечания помещены в конце каждой главы.
Указатель имён дан в конце книги.

Перевод с французского сделан *Жуховецким Б. Я.*

Примечания и именной указатель составил
Альтман В. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Среди французских дипломатов до первой мировой войны особую известность приобрели два брата Камбона—старший, Поль Камбон (1843—1924), и младший, Жюль Камбон (1845—1935).

Автор настоящей книги Жюль Камбон в 1897 г. был назначен послом в Вашингтон, где в 1898 г. по поручению испанского правительства вёл переговоры об условиях прекращения испано-американской войны. В 1902 г. он был назначен послом в Мадрид, а в 1907 г.—в Берлин. С 1915 г. Жюль Камбон был генеральным секретарём министерства иностранных дел Франции, в 1919 г.—членом французской делегации на Парижской мирной конференции, в 1923 г. председательствовал на конференции послов в Париже.

За свои труды по международным вопросам, которые отличались не только обилием фактического материала, пониманием международной обстановки, но и прекрасным стилем, Жюль Камбон был избран в 1918 г. членом французской «Академии бессмертных».

II

В настоящей книге, законченной Жюлем Камбоном в 1925 г. и обобщившей долголетний опыт дипломатической работы автора, изложены его соображения по отдельным вопросам дипломатической практики, приводятся некоторые эпизоды из истории дипломатических отношений, рассматривается роль дипломатов и дипломатии вообще.

Жюль Камбон подчёркивает необходимость для дипломата изучать страну его пребывания и всесторонне наблюдать за её жизнью.

В основе успехов дипломатии всегда лежала правильная оценка международного положения.

Французскую дипломатию часто обвиняли в узости и ограниченности. Английский дипломат Гарольд Никольсон, например, считал, что «глаза всех французских дипломатов устремлены на

«голубую линию Вогез», а вся их политика направлена на то, чтобы защитить себя от немецкой опасности. Эта постоянная озабоченность делала французскую политику связанной и негибкой».

Можно допустить, что сила французской дипломатии до первой мировой войны была в концентрации её мысли в одном направлении. Эта целеустремлённость давала ей возможность ясно видеть, что происходит по ту сторону франко-германской границы, и делать отсюда соответствующие выводы. Но односторонность и узость в области международных отношений часто приводят к роковым ошибкам, имеющим печальные последствия для дипломатии той или иной страны.

Перед второй мировой войной английская и французская дипломатия «спала и видела» неизбежность военного конфликта сначала между Советским Союзом и Японией, а затем между Советским Союзом и Германией. На такой оценке международного положения строились внешнеполитические расчёты Франции и Англии. Это и привело к катастрофе Францию, которая по своему географическому и политическому положению быстро стала жертвой этих ошибок.

Жюль Камбон утверждает, что перед первой мировой войной французская дипломатия была лучшей в мире. Не будем оспаривать это положение. Но перед второй мировой войной французская дипломатия оказалась весьма недалёковидной. Ведь достаточно было, по выражению английского дипломата Невилля Гендерсона, раздаться где-нибудь бою «антибольшевистского барабана», чтобы французские дипломаты (и английские) приходили в восторг и умиление. Они готовы были пожертвовать всем (особенно чужим) для того, чтобы превратить этот барабанный бой в сигнал к антисоветской войне.

В том, что Франция оказалась неподготовленной ко второй мировой войне, многие обвиняют главным образом французских военных. Обвиняют их, что они почтили на лаврах первой мировой войны, не построили линии Мажино вдоль франко-бельгийской границы, не вооружили армию достаточной военной техникой и оставили её без необходимого количества самолётов, танков, орудий, снарядов и т. д. Руководители французской армии несут, конечно, за это ответственность, но надо отметить, что их бдительность в значительной мере была усыплена французскими дипломатами и французскими политическими деятелями. Строя свои расчёты на японо-советском и германо-советском конфликтах, дипломаты и политические деятели Франции считали возможным сидеть сложа руки и не призывали французских военных к усиленной подготовке французской армии.

В 1940 г. т. Молотов на VII сессии Верховного Совета СССР отметил, что дело здесь не только в плохой военной подготовке,

по и в том, что французские руководящие круги слишком легкомысленно отнеслись к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы.

В своей последней книге английский политический деятель Эдуард Григ пишет: «Нужен был крах Франции, происшедший подобно молнии, расколовшей дерево, чтобы заставить нас понастоящему осознать бурю, которая собралась над нами. В Кремле чувство опасности никогда не дремало и никогда не спало». С этим выводом нельзя не согласиться. Недаром 24 мая 1945 г. на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии товарищ Сталин, поднимая тост за руководителя нашей внешней политики Вячеслава Михайловича Молотова, сказал: «Не забывайте, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте».

Дипломатические ошибки обычно дорого стоят стране, имеющей плохую, недалёковидную дипломатию.

Наполеон I был хорошим дипломатом. Он отличался прекрасным глазомером в отношении международных и военных дел. Но, опьянённый победами, он потерял чувство меры. В 1812 г. Наполеон затеял войну с Россией и ошибся в своих расчётах, не учёл неизбежности патриотического подъёма русского народа, который встал на защиту своей национальной независимости и, по словам Л. Н. Толстого, взял первую попавшуюся дубину, чтобы «гвоздить» ею наступавшего врага. Кроме того, Наполеон I, предпринимая поход против России в 1812 г., не учёл возможности улучшения в то время отношений России и Швеции, России и Турции и сам потом заявлял, что должен был бы, узнав об улучшении этих отношений, отказаться от похода на Россию.

Прославленный французский дипломат Талейран фактически отстаивал на Венском конгрессе 1814—1815 гг. не столько интересы Франции, сколько Англии. Чтобы разрушить планы Александра I о передаче Саксонии прусскому королю, Талейран содействовал «прирезке» к Пруссии территории по берегу Рейна в виде компенсации за отказ прусского короля от значительной части Саксонии. На деле он оказал этим лишь услугу Англии, которой было выгодно ухудшение отношений между Пруссией и Францией (в результате передачи первой территории по Рейну, особенно на левом берегу Рейна) и ослабление Франции. Жюль Камбон приводит упрёк Тьера Талейрану о забвении последним на Венском конгрессе интересов Франции, но пытается смягчить упрёк: может быть, говорит Камбон, Талейран не мог иначе поступить.

Меттерних проявил, пожалуй, больше ловкости, чем Талейран. В бытность свою министром иностранных дел Австрии он добился заключения брака Наполеона с дочерью австрийского императора Марией-Луизой, соединив, таким образом, Австрию тесными узами

с Наполеоном, а во время войны 1812 г. был союзником Наполеона. Всё это потом было забыто. Меттерних повёл дело так, что конгресс для ликвидации последствий наполеоновских войн был созван именно в Вене, он сам стал председателем конгресса, и никто не указал ему на то, что поражение Франции в 1812 г. могло считаться также поражением Австрии.

III

Вопрос о том, каким образом изучать страну, чтобы составить себе правильное представление о положении дел и политике её, естественно, является одним из самых важных вопросов, которые могут стоять перед дипломатом. Наполеон I говорил, что для принятия стратегического и тактического решения полководец должен разрешать сложные задачи, которые требуют математических способностей Ньютона или Эйлера. Дипломат тоже должен отличаться умением создавать из бесконечно малых величин соответствующее действительности представление о замыслах государств и об имеющихся у них для этого средствах.

Жюль Камбон достаточно долго был дипломатом, чтобы сознавать необходимость для дипломата иметь в своём распоряжении сведения, на основе которых он мог бы достаточно прочно строить свою деятельность. Замечания его на этот счёт довольно интересны.

«Знать страну,—пишет он,—значит проникнуться её духом, жить в атмосфере её идей и научиться понимать связь её внешней политики с внутренним положением. Чтобы достичь этого, посол не может удовлетвориться беседами с министрами и политическими деятелями. Внешне легкомысленные беседы очень часто дают ему больше, чем деловые разговоры; даже внимание женщин, занимающих выдающееся положение, с которыми он встречается в обществе, будет для него весьма полезно».

Французский дипломат Альбер Муссе упрекал своих французских коллег дипломатов в обратном—в том, что они из-за деревьев не видели леса, из-за светских гостиных не видели подлинной жизни, не встречались с деятелями, которые оказывают влияние на политику своего государства.

Но в словах Жюля Камбона всё же имеется известная доля истины. Он прав в том отношении, что встречи с живыми людьми из разных кругов общества и иногда незначительные беседы с ними открывают глаза дипломатам на то, что происходит в стране. Книги, журналы, газеты—необходимые пособия для всякого дипломата, но они не дают исчерпывающих данных о текущей действительности и о назревающих событиях.

Подчёркивая важность личного общения с людьми для ориентировки дипломата, Жюль Камбон указывает на значение хороших

отношений с дипломатами, представляющими в данной столице другие государства.

«Лично я,—пишет он,—по опыту знаю, как полезны мне были добрые отношения, установившиеся у меня с некоторыми моими коллегами. Я получал, таким образом, ценные советы, осторожные предупреждения и важные сообщения, которые не смог бы получить сам. Я пользовался ими к большой выгоде для интересов, которым должен был служить».

Способность слушать и наблюдать чрезвычайно важна для дипломата. Эта способность роднит дипломата с представителями некоторых других профессий, например с журналистами и писателями.

Опытный и талантливый журналист на лету ловит слова, быстро схватывает главное и основное в окружающей среде, в капле воды видит отражение громадного мира. Конечно, наблюдательность журналиста и писателя служит другим целям, чем наблюдательность дипломата, разнятся также и результаты их наблюдений, но всё же точки соприкосновения между ними имеются. Несколько замечаний Маяковского в его письмах из Соединённых Штатов дают более верное представление об этой интересной стране, чем многие фолианты, написанные иными учёными. При этом, не всякий знаток страны, даже учёный, может сам быть дипломатом или серьёзно помочь дипломату.

Помимо способности наблюдать дипломат должен уметь делать выводы и давать полезные советы своему правительству. Многие хорошо информированные люди неспособны делать обобщения и подсказывать необходимые решения.

По мнению Жюля Камбона, «качества, которые подходят для посла, иные, нежели те, которыми должен обладать министр иностранных дел». Одно дело—информировать и делать предложения, а другое дело—на основе информации и предложений принимать ответственные решения.

Имеется и третья сторона дипломатической деятельности—проведение в жизнь уже принятых решений. Исполнение инструкций правительства требует от дипломата дисциплины и изобретательности. Дипломат должен твёрдо и неуклонно исполнять полученные инструкции, но вместе с тем он должен также при переговорах принимать во внимание интересы противоположной стороны и уметь убеждать в целесообразности принятия его предложений.

При всех условиях дипломат должен знать свою страну и с достоинством, авторитетно её представлять.

IV

Хотя среди дипломатов было немало крупных литераторов, по интересно отметить, что в художественной литературе дипломатам не повезло. Трудно в этой литературе встретить положительный образ дипломата. Ла-Брюйер, Вольтер, Руссо издевались над дипломатами. Даже солидный Гёте преподнёс дипломатам несколько шпилек. В «Страданиях молодого Вертера» Гёте устами своего героя Вертера говорит о посланнике, с которым ему пришлось столкнуться, следующее: «Посланник причиняет мне немало досады, что я, впрочем, и предвидел. Это—педантичный дурак, каких немного на свете. Всё у него делается шаг за шагом, и мелочен он, как старая кумушка; человек, который никогда не бывает доволен собою и которому поэтому никто не может угодить... Что это за люди, вся душа которых занята исключительно церемониалом, а мысли и стремления годами направлены на то, чтобы продвинуться хоть на один стул и сесть повыше за общим столом».

Особенно беспощаден в отношении дипломатов французский писатель Марсель Пруст. Его типичный дипломат Норпуа ограничен, сух, хотя и добросовестен и представительен. У Пруста встречается такая характеристика Норпуа: «скучен, как дождь». Других дипломатов Пруст обвиняет во всевозможных пакостях.

Ограниченный, сухой человек вряд ли может быть хорошим дипломатом. Горький как-то говорил, что «мало знать, понимать надо, чувствовать надо». Дипломатия требует чутья и некоторого воображения, чтобы понять и почувствовать действительное положение дел и подлинные намерения правительства, с которым приходится иметь дело.

Пожалуй, недостатки и ошибки французской дипломатии последнего времени невольно объясняет сам Жюль Камбон, когда утверждает, что «внешняя политика не дело чувства. Её задача—согласовывать случайные факты с постоянными законами, управляющими судьбами наций. Эти законы существуют, но от нас они не зависят. Интересы народов не меняются. Их определяет природа, географическое положение и собственный характер народов. Таким образом, история повторяется».

Если, как утверждает Камбон, ничто на свете не меняется, если имеются вечные законы, основанные на географическом положении, которое якобы определяет судьбы народов, если интересы народов якобы остаются одними и теми же, раз навсегда установленными, то достаточно усвоить несколько основных идей, чтобы иметь на все случаи жизни готовый катехизис дипломатических правил. Жюль Камбон не оставляет места для диалектики, для глубоких перемен, для революций и для прогресса.

Уверенность в том, что нужно идти по проторённым путям не отступая ни на шаг, и погубила французскую дипломатию.

Советскому читателю не представит труда оценить по достоинству высказывания автора. Неправильная историческая концепция, пристрастие ко всему «французскому», пристрастие настолько сильное, что оно толкало автора на явное искажение исторических фактов и оценок,— всё это отчётливо проступает на протяжении всей работы.

Жюль Камбон неправильно оценивает Лигу наций. Он видит в ней «великое орудие мира», считает, что Лига «удачно справляется» с «возникающими перед ней затруднениями». Автор не видит, или не хочет видеть, что недостатки Лиги, её неспособность обеспечить всеобщий мир и безопасность вызваны в частности и тем, что организационная структура её была порочна. Камбон умалчивает о том, что долгое время Лига наций сохраняла антисоветскую направленность.

Автор испытывает явный страх перед демократией. Самый термин этот ему ненавистен. Демократия выступает у него в виде толпы, которая вносит в дипломатию свои страсти и невежество.

«Политика—даже международная политика,—заявил Жюль Камбон,—покинула отныне кабинеты государственных деятелей. В неё вмешался человек улицы. Он внесёт в неё свои страсти, свои инстинкты, свои предрассудки, своё невежество, и это сделает нелёгкой задачу для людей, которые, желая избежать катастроф, попытаются воззвать к его разуму».

Но всё же книга Жюля Камбона содержит много интересных замечаний, мыслей и характеристик, которые и до сих пор не потеряли своего значения.

А. Трояновский

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТ

«Нелепо судить на основании одной какой-нибудь черты о вещах столь многообразных».

Монтэнь

Я не знаю деятельности более разнообразной, чем профессия дипломата. Во всяком случае нет такой профессии, где было бы так мало твёрдых правил и так много основанного на традиции, где для успеха требовалась бы бóльшая настойчивость и где успех в большей мере зависел бы от игры случая, где так нужна была бы строгая дисциплинированность и где человек должен был бы обладать большей твёрдостью характера и независимостью ума. У каждой нации—свои нравы, свои предрассудки, своя манера выражать чувства. Живя за границей, послы не отрешаются от всего этого, но так как их задача заключается в том, чтобы служить своей стране, не создавая вокруг себя враждебного настроения, то они, естественно, стараются приспособиться к чужому образу жизни и мыслей. Это часто сбивает с толку широкую публику, которая не понимает, как сложна роль дипломатов, и склонна без снисхождения осуждать их. Ла-Брюйер выразил это отношение, когда обозвал дипломатов хамелеонами. Он упрекал их в том, что они считаются со временем, местом, обстоятельствами, темпераментом и характером людей, и сделал отсюда вывод, что вся их политика стремится к одной единственной цели— не быть обманутыми и обманывать других.

Подобное суждение могло бы показаться несколько странным у такого воспитанного человека, каким был Ла-Брюйер, если бы мы не знали условий, в которых он жил. Свою жизнь он провёл в доме Конде в качестве приближённого, занимая видное, но, тем не менее, подначальное положение. С важными делами, о которых говорили кругом, он был знаком лишь поверхностно. Его оскорбляло то, что интриганы, подобные Гурвилю, благодаря своей ловкости были в фаворе. Этим, несомненно, и объясняется горечь его слов. Ларошфуко, обладавший деловым опытом, более правильно замечает, что никогда люди так легко не обманываются, как тогда, когда хотят обмануть других.

В самом деле, совсем не так глупо считаться со временем, местом, обстоятельствами и характером людей, с которыми ведёшь

переговоры; это свидетельствует об осторожности, и нельзя называть обманщиком того, кто проявляет сдержанность и умеет выжидать.

Дипломата отличает от толпы то, что он внешне чужд её страстям: он обязан соблюдать профессиональную сдержанность, которая вызывает удивление. Во Франции, где преобладающей чертой является крайняя рассудочность и пристрастие к логике, склонны признавать искренними только тех, кто, не стесняясь, высказывает своё мнение. Здесь не любят хранителей тайн, какими являются послы.

Северные народы проявляют свои чувства по-иному. Я не говорю уже о своего рода бессознательном фарисействе, которое часто встречается у англо-саксов. Но когда живёшь в Германии, то больше всего поражаешься, как сильно в этом отношении немцы отличаются от нас. У них наблюдается как бы раздвоение личности. Подчинение общим правилам в повседневной жизни легко соединяется у них с безграничной свободой спекулятивного мышления. Разве их философия не стремилась главным образом к тому, чтобы найти место для практического разума рядом с чистым разумом? Германия не проявляет стремления к логичности. Бисмарк доказал это, когда, желая ослабить партикуляризм в империи, построил избирательное право для выборов в рейхстаг на основе всеобщей подачи голосов, а в Пруссии энергично отстаивал сохранение самого ограниченного избирательного права. Я слышал, как один из его преемников в течение одной и той же недели защищал всеобщее избирательное право и нападал на него, в зависимости от того, где он выступал—в германском рейхстаге или в прусском ландтаге. Это противоречие обычно никого не смущало. Один видный государственный деятель, беседа однажды со мной в Берлине о германском социализме, заметил, что его соотечественники-социалисты, когда отбывали воинскую повинность, не утруждали себя антимилиитаристскими убеждениями, сторонниками которых они являлись, пока были штатскими людьми. «Я всегда полагал,—добавил он,—что Ренан, если бы он родился в Германии, вероятно, умер бы епископом или, по меньшей мере, каноником». Вот способы мышления, которые вызвали бы возмущение во Франции, потому что там вообще считают вопросом совести согласовывать свою жизнь со своими принципами. Это одна из причин, и отнюдь не маловажная, почему эти оба народа не понимают друг друга.

Как бы то ни было, для широкой публики дипломатия сводится только к интригам, и если посол не занимается интригами, то кажется, что он живёт только в своё удовольствие и всецело поглощён празднествами и парадными обедами. Кое-кто, однако, не удовлетворяется этим несколько упрощённым мнением. Они хотят добраться до самой сути дела: весь мир представляется им

в виде театра, и они любят говорить о закулисных сторонах политики. Они видят только сцену, где всё кажется им декорацией, бутафорией, обманом зрения. Будучи убеждены, что всё совершается не иначе, как по предварительной подготовке и с заранее обдуманном намерением, они оказывают честь дипломатам, принимая их за Макиавелли—больших интриганов, создающих катастрофы. Эти люди не могут поверить, что всё происходит проще и что даже такие люди, как Ришельё или Бисмарк, не властны над случайностями, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению их замыслов; как заметил Фридрих II, искусство политики заключается не в том, чтобы создавать благоприятные случаи, а в том, чтобы уметь ими пользоваться.

На самом деле качества, которые подходят для посла, иные, нежели те, которыми должен обладать министр иностранных дел. Последний, так сказать, сосредоточивает у себя деятельность своих агентов, рассеянных по всему земному шару. Он сопоставляет сообщения, которые они присылают, взвешивает их, поддерживает в проведении внешней политики своей страны гармонию, обеспечивающую ей единство и успех,—но он живёт в своей стране; он не находится в непосредственном контакте с заграницей. Посол, наоборот, состоит в таком контакте. Он следует инструкциям своего правительства, но в то же время информирует его, даёт разъяснения, предостерегает, а иногда должен сдерживать его. Независимость суждений не должна, конечно, доходить у него до нарушения дисциплины, но министр, которому такая независимость портит настроение, обнаруживает не больше здравого смысла, чем человек, выкалывающий себе глаза перед тем, как пуститься в путь. С другой стороны, посол, который не осмеливается быть чем-нибудь иным, кроме как почтовым ящиком, представляет опасность для своего правительства.

Итак, вы видите, что самым необходимым качеством для дипломатического агента является моральный авторитет. Его испытанная лойяльность должна внушать правительству, при котором он аккредитован, и его собственному правительству такое доверие, чтобы слова его не вызвали подозрений. Макиавелли, о котором в широких кругах сложилось столь ложное представление, указывал в своих инструкциях флорентийскому послу при дворе Карла V, что посол должен стремиться к тому, чтобы не прослыть человеком, который думает одно, а говорит другое. Это показывает, как ошибаются те, кто видит в интриге сущность дипломатической профессии. «Подлинная дипломатическая тонкость,—говорит Шуазель,—заключается в правде, высказываемой порой в решительной, но всегда любезной форме».

Что скажете вы по поводу этого замечания? От него веет XVIII веком, но оно говорит больше, чем кажется на первый взгляд. Оно показывает, что посол, если он желает иметь успех,

должен стараться понравиться и что для того, чтобы хорошо выполнять свою задачу, ему полезно создать себе положение в обществе той страны, куда его послали.

Знать страну—значит проникнуться её духом, жить в атмосфере её идей и научиться понимать связь её внешней политики с внутренним положением. Чтобы достичь этого, посол не может удовлетвориться беседами с министрами и политическими деятелями. Внешне легкомысленные беседы очень часто дают ему больше, чем деловые разговоры; даже внимание женщин, занимающих выдающееся положение, с которыми он встречается в обществе, будет для него весьма полезно. Посещение в эпоху Директории салона мадам де Сталь, а в эпоху Реставрации салона княгини де Пуа или мадам де Монкальм давало возможность глубже познакомиться с тенденциями и игрой партий. А позже как можно было судить о тайных пружинах европейской политики, не будучи завсегдатаем салона герцогини Дино или княгини Ливен? Конечно, салоны теперь имеют далеко не такое значение, как раньше. Я боюсь даже, что светские люди предаются странным иллюзиям относительно степени влияния, которую они ещё сохранили. Но тем не менее существует европейское общество, и во всех кругах— учёных, политических и светских—той страны, где посол должен развивать свою деятельность, ему полезно обеспечить себе благосклонный приём. Всякий знает, что светское общество не бывает снисходительно к новым людям. Дипломат, прибывающий на свой пост, становится мишенью для взоров общества, в которое он входит. Его коллеги определяют меру своего благосклонного к нему отношения в зависимости от оказанного ему приёма. Если он в какой-то степени покажется смешным, его не станут щадить. Я видел незаурядных дипломатов, о которых отзывались без всякого снисхождения в течение всего времени их пребывания на своём посту, потому что они имели склонность к снобизму. Нельзя себе даже представить, сколько зла причиняет снобизм. В частной жизни это простительный грех; иное дело в общественной жизни, ибо снобизм говорит об известном недостатке рассудительности, что влечёт за собой поступки, свидетельствующие о настоящей беспринципности. Впрочем, существует несколько видов снобизма. Некоторые представители самых древних аристократических родов щеголяют убеждениями, которые, по их мнению, являются очень передовыми. Их поведение столь же неуместно, как поведение дипломатического представителя республики, который изображал бы из себя монархиста. Не проще ли казаться тем, чем являешься в действительности? Только так можно приобрести известное уважение.

У иных начинающих дипломатов робость принимает порой странные формы. Одни злоупотребляют своей сдержанностью, даже простой улыбкой боятся выдать тайну; они даже не пред-

ставляют себе, что никто не беседовал с такой лёгкостью и свободой, как Талейран или князь Бисмарк. Другие, наоборот, стараются импонировать своей фамильярностью. Они воображают, что держат себя непринуждённо, тогда как на самом деле ведут себя просто нескромно, и стремятся вызвать к себе доверие излишней откровенностью со своими коллегами, которые их коварно поощряют, чтобы использовать их наивность. Умение держать себя во время беседы имеет поэтому существенное значение, и до известной степени оно заменяет опыт. Если посол обладает к тому же некоторыми познаниями и широтой ума, то он скоро заставит прислушаться к себе. Я говорю о широте ума, но отнюдь не о расплывчатом уме. Внешняя политика—не дело чувства. Её задача—согласовывать случайные факты с постоянными законами, управляющими судьбами наций. Эти законы существуют, но от нас они не зависят. Интересы народов не меняются. Их определяет природа, географическое положение и собственный характер народов. Таким образом, история повторяется: Филипп-Август в битве при Бувине и Жоффри на Марне¹ защищали одно и то же дело. В мирное время наблюдаются те же явления, что и в военное. В наши дни проявляются те же политические стремления и в такой же форме, как и в былые времена. Монтескьё замечает, что римляне часто заставляли побеждённые народы прибегать к арбитражу для решения споров и вместе с тем заставляли их топить свой флот. Мы видели, как недавно другие народы, не римляне, поступали так же². Нет ничего нового под луной.

Уже в силу того, что интересы народов не меняются, внешняя политика нации—какие бы революции ни происходили во внутреннем её управлении—по необходимости должна быть традиционной, но когда всё же начинают новую политику, нужно соглашаться с её условиями и принимать её последствия. Старая монархия во Франции проделала этот опыт в XVIII веке при изменении союзных отношений. Или вот более новый пример: колониальная политика предполагает морскую политику и тем самым ведёт к политике союза или вражды с морскими державами. Император Вильгельм II логично рассуждал, когда, проводя колониальную политику, говорил, что будущее Германии—на море; вопрос только в том, уяснили ли себе в Берлине, как это может отразиться на традиционных отношениях Германии и Англии.

Но вернёмся к дипломату. Он, конечно, должен стремиться к успеху, но будет благоразумнее, если он постарается избежать при этом излишнего шума. Успех иногда стеснителен. Ничто так не опасно, как задевать самолюбие противника, и прочен лишь тот успех, который приемлем для обеих сторон. Посол должен уметь стужёвываться. Правительство, при котором он аккредитован, оценит его сдержанность, а его собственное правительство

будет ему, может быть, ещё более признательно. В скромности—большая сила.

Наконец, необходимо, чтобы он остерегался всякой горячности. Дипломатический представитель, не умеющий владеть собой, даёт своим противникам неоценимое преимущество. Нужно ли напоминать то, чему мы были свидетелями в 1914 г.? Я всегда чрезвычайно ценил сдержанность в выражениях имперского канцлера Бетман-Гольвега. Но накануне войны, под сильным впечатлением неожиданного для него выступления Англии на нашей стороне, он в разговоре с сэром Эдуардом Гошеном назвал клочком бумаги подписанный Пруссией договор, который гарантировал Бельгии её нейтралитет³; он, видимо, не смог справиться со своим волнением, и это выражение «клочок бумаги» легло для его страны тяжёлой гирей на весах истории.

Иногда посол может оказаться в затруднительном положении, но именно тогда ему особенно нужно владеть собой. Один старый испанский автор рассказывает по этому поводу, как хорошо сумел дать отпор посол Филиппа III при французском дворе. Дон Педро де Толедо (так звали посла) однажды беседовал в Лувре с королём Генрихом IV. Король, который порой вёл деловые переговоры в несколько развязном тоне и не забывал, что он является королём Наваррским, заговорил о своих правах на испанскую Наварру⁴. Когда посол стал возражать, король ему ответил: «Ваши доводы правильны и сохраняют свою силу до тех пор, пока я не окажусь в Памплоне⁵, но там мы посмотрим, кто возьмётся защищать её от меня». При этих словах дон Педро поднялся и поспешно направился к двери. «Куда вы так заторопились?»—крикнул ему король. «Ах, государь,—ответил посол,—я ухожу, чтобы встретить ваше величество в Памплоне и оказать вам достойный приём». Генрих IV рассмеялся, и с тех пор вопрос о Памплоне больше не поднимался.

Не знаю, может ли часто в наше время иметь место подобная беседа между государем и послом, находящимися в почти враждебных отношениях. В XVI веке в отношениях между нациями было, правда, меньше сентиментальности, чем теперь, но зато больше простоты, благодушия и, в сущности, больше взаимного уважения.

В настоящее время из всех особенностей дипломатической жизни больше всего поражают публику дружеские и часто даже сердечные отношения, существующие между дипломатами различных стран и порождающие у них, если тому не препятствуют политика и патриотизм, своего рода корпоративные, порой товарищеские чувства. Те, кто этому удивляется, не знают, что значит оставаться в течение долгих лет за границей, в одиночестве, вдали от своих. Молодые люди, которые посвящают себя дипломатической карьере и в течение всей жизни расстанутся и вновь встречаются в различных столицах мира, переживают порой

одни и те же приключения, продвигаются одинаковыми темпами по служебной лестнице,—не могут не испытывать удовольствия при встрече. Лично я по опыту знаю, как полезны мне были добрые отношения, установившиеся у меня с некоторыми моими коллегами. Я получал благодаря этому ценные советы, осторожные предостережения и важные сообщения, которые не смог бы получить сам. Я пользовался ими к большой выгоде для интересов, которым я должен был служить.

Но пора оставить в покое личность дипломата и перейти к тому, что составляет самую сущность дипломатии—к переговорам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сражение при Бувине* (местечко близ города Лилля во Франции) — здесь 27 июля 1214 г. французский король Филипп II Август одержал крупную победу над германским императором Оттоном II. *Битва на Марне* — здесь 5—9 сентября 1914 г. французские войска под командованием генерала Жоффра вынудили основную часть германской армии отойти на север к реке Эн. Значение марнского сражения состояло в том, что им был сорван план германского генерального штаба, построенный на быстром окончании войны; после битвы на Марне война приняла позиционный характер.
- ² 21 июня 1919 г. на стоянке Скапа-Флоу немцы потопили свой флот, после того как немецкому военному командованию стало известно, что, по условиям Версальского мирного договора, флот должен перейти в руки стран Антанты.
- ³ В результате бельгийской революции 1830 г. Бельгия отделилась от Нидерландов и стала самостоятельным государством. На Лондонской конференции послов пяти великих европейских держав, в том числе Пруссии, в 1831 г. был подписан протокол о нейтралитете Бельгии. Окончательно «вечный нейтралитет» Бельгии был оформлен в 1839 г.
- ⁴ В 1512 г. часть *Наваррского королевства*, расположенного к югу от Пиренеев, так называемая Верхняя Наварра, была завоёвана Фердинандом Арагонским и с тех пор является провинцией Испании. Северная же, меньшая, часть страны попрежнему оставалась особым королевством до 1589 г., когда на французский престол вступил король Наварры Генрих IV Бурбон; тогда Наварра была включена в состав Франции, сохранив особое устройство и порядки. Французские короли до 1830 г. продолжали титуловаться королями Франции и Наварры.
- ⁵ *Памплона* — главный город Наварры, расположенный в Верхней Наварре, т. е. на территории, отошедшей к Испании.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ

«Если желаешь убедить в чём-нибудь, надо считаться с человеком; которого хочешь убедить».

Паскаль

Борк говорит, что управлять—значит согласовывать: «Всякое управление основано на компромиссе». Искусство дипломата близко к искусству управления, ибо всякая дипломатическая деятельность приводит к переговорам, а кто говорит «переговоры», тот по крайней мере отчасти говорит «соглашение». Отсюда видно, до какой степени дипломатический ум отличается от юридического ума. Применение законов и их толкование предполагают, рассуждая теоретически, известную строгость, которая плохо мирится с эмпиризмом политики. Считаться с обстоятельствами, интересоваться общественным мнением, склоняться перед необходимостью, учитывать более отдалённые последствия своего решения, терпеть даже несправедливость во избежание более значительного бедствия—для всего этого требуется разум, который в своих решениях не опирается исключительно на букву закона. Правда, существует международное право, но каковы бы ни были его успехи со времени Гроция, оно всё ещё лишено императивной точности наших кодексов. Может быть, это и хорошо, ибо народы только начинают понимать, что их отношения должны регулироваться правом. Международное право, находящееся ещё в начальной стадии своего развития, не может пока быть не чем иным, как обычным правом. Конечно, договоры, соглашения о третейском суде, решения Гаагского трибунала¹ создают правовые отношения между народами, но где найти исполнительную власть, которая заставила бы их уважать? Для этого до сих пор оставалось только одно средство—прибегать к военному счастью, и все усилия дипломатии были направлены на поиски способов, которые позволили бы обойтись без применения этого крайнего средства.

С другой стороны, правительственные канцелярии слишком часто бывают склонны к заблуждению, полагая, что государства не имеют никаких прав, кроме предоставленных им по договорам. Государства являются юридическими лицами и живут своей собственной жизнью. Они не зависят исключительно от дипломатических соглашений. Народ, вычеркнутый с карты Европы, суще-

ствует, несмотря на равнодушие правительств. Прекрасным примером тому была Польша, а также Италия, которую Меттерних пренебрежительно трактовал как географическое понятие. Настоящий государственный деятель считается с теми чувствами, которые существуют в глубинах народной души; проявляя великодушие в переговорах, он часто доказывает свою предусмотрительность. Мне приходилось слышать, как некоторых дипломатов хвалили за то, что они были хорошими европейцами. Это значит, что они умели возвыситься над самими собой и что в их глазах благополучие их собственной страны являлось, как выражаются математики, функцией благополучия Европы, все части которой связаны между собой. Это в своё время служило истинным основанием так называемой политики равновесия между нациями. Не знаю, почему выражение «европейское равновесие» теперь не в фаворе; боюсь, не потому ли, что перестали понимать его великое значение. Но если само выражение вышло из моды, то необходимость равновесия между нациями, тем не менее, продолжает существовать. Ведь, в сущности, смысл существования Лиги наций для слабых наций заключается в том, что она даёт им надежду уравновесить влияние некоторых держав. В тот день, когда эта идея равновесия политических сил будет окончательно отброшена, не останется больше действительных препятствий для империалистических замыслов монархического или демагогического типа.

В 1909 г., когда произошёл инцидент в Касабланке, мой друг, известный юрист Луи Рено, был вместе со мной в Берлине. Всем памятна эта скверная история. Солдаты иностранного легиона, которых подговорили бежать агенты германского консульства, находились на набережной гавани и собирались сесть в лодку, чтобы добраться до корабля, стоявшего на рейде. Оказавшиеся тут же французские офицеры, пользуясь властью, которую давали правила военной дисциплины, приказали их арестовать. Германский агент протестовал, ссылаясь на право юрисдикции, принадлежащее консулам по отношению к их соотечественникам в странах, где существует режим капитуляций. В конце концов дело было передано на рассмотрение третейского суда в Гааге, который решил его в нашу пользу. Во время наших переговоров с германским правительством Луи Рено обратил моё внимание на то, что идея арбитража в основном сводится к тому, чтобы вынести решение для сторон, из которых каждая опирается на юридические основания. Дипломат—не третейский судья, но он, по выражению Паскаля, должен относиться с уважением к лицу, с которым хочет иметь дело, иначе говоря, обязан считаться с чувствами страны, с которой он ведёт переговоры. Иногда дипломату бывает довольно трудно, когда он сам обуреваем чувствами, волнующими его страну; ему приходится брать себя в руки. Только такой ценой достигаются справедливые и выгодные соглашения.

Так как соглашения постоянно не оправдывают чьих-либо ожиданий, то дипломатия неизбежно мало популярна. Французы, склонные к фрондированию, никогда не хотели мириться с уступками, которые, считаясь с необходимостью, делали такие люди, как Мазарини или Талейран, для того чтобы прийти к соглашению. Я не знаю тому лучшего примера, чем приём, оказанный в XVII веке общественным мнением Пиренейскому миру²—одному из наиболее славных, какие мы когда-либо подписывали. Тогдашнее общество, двор, а также и Париж пришли в ужас. Сен-Эвремон так бурно выразил мнение салонов, что ему пришлось покинуть Францию. Партийные страсти и частные интересы не мирились с тем, что после такой продолжительной и так дорого обошедшейся войны Франция снова обрела мир, получив при этом Фландрию и Артуа, Сердань и Руссильон. Ларошфуко, отравленный ядом гражданской войны, осмелился написать: «Людьми, ведущими переговоры, часто бывают недовольны за то, что они почти всегда забывают об интересах своих друзей ради того, что составляет основной интерес переговоров, становящийся их собственным интересом из-за славы, которую им приносит успех предпринятого ими дела». Ларошфуко не мог сказать ничего более лестного для лиц, ведущих переговоры, но удивительно, что, по его мнению, только побуждения личного мелкого тщеславия могут заставить человека пожертвовать ради общего блага интересами своей партии. В нём говорил обескураженный приверженец партии.

Несколько лет спустя, в 1685 г., Расин, который ни в какой мере не был фрондёром, в своей ответной речи Тома Корнелю при приёме последнего в члены французской Академии сказал: «Прежде Франция, которая слишком легко давала застигнуть себя врасплох хитрым соседям, считалась столь же неудачливой при заключении соглашений, сколь счастливой и грозной она была в войне. Испания, в особенности Испания, её высокомерный враг, похвάζεται тем, что даже в самые удачные для нас времена она не подписывала иных договоров, кроме выгодных, и часто одним росчерком пера возвращала себе то, что потеряла в нескольких походах».

Так говорил Расин через семь лет после того, как по Нимвегенскому миру³ Испания уступила нам Франш-Конте, Камбрези и Валансьен. Он выразил общее мнение своего времени. В некоторых кругах любят говорить или, по крайней мере, думают, что наши современники более просвещённо судят о внешней политике государств, нежели общество XVII века. Мне тоже приятно так думать. Но всё-таки современный дипломат, ведя переговоры, поступит благоразумно, если так же мало будет искать одобрения публики, как это делали раньше, если он вооружится терпением и будет проявлять большую сдержанность, чтобы сохранить в неприкосновенности свой здравый смысл и свободу суждения.

Нет ничего отвратительнее человека, лишённого здравого смысла. Для посла же рассудительность воистину является основным качеством: именно она позволяет ему во всём ориентироваться. При переговорах она служит защитой от всяких хитростей и крючкотворства; благодаря ей вносится во все дела то острое чувство действительности, которое часто отсутствует у кабинетных людей. «Самые прекрасные чиновники—ещё не самые ловкие посланники»,—говорит один старый автор. Брантом рассказал о приключении кардинала Бессариона при дворе Людовика XI. Это был человек своего времени, прекрасно знавший греческий язык, и папа, очень ценивший это, послал его во Францию, чтобы попытаться примирить короля с герцогом Карлом Бургундским. Кардинал тотчас же по прибытии стал заискивать у Карла Смелого, который вёл широкий образ жизни, и королю Людовику его поведение показалось таким нелепым, что в течение продолжительного времени он отказывался дать кардиналу аудиенцию. Поменьше учёности, но побольше знания людей было бы, вероятно, полезнее папскому послу.

Умение выжидать не менее необходимо тому, кто хочет преуспеть. Порой дует неблагоприятный ветер и приходится лавировать, чтобы войти в гавань. Во время длительных переговоров, которые я вёл в Берлине с Кидерленом⁴, общественное мнение в обеих наших странах проявляло нервозность. Когда я стал нажимать, чтобы скорее притти к концу, Кидерлен, который при несколько грубоватой внешней манере был очень тонким человеком, ответил мне: «Пускай болтают; вы хотите притти к цели, и я тоже хочу. Но надо дать успокоиться самолюбию людей. То, что было невозможно вчера, что было бы затруднительно сегодня, будет завтра принято с облегчением». Увы! Облегчение, которое предчувствовал Кидерлен, оказалось лишь временным. Успокоение не стало миром, но при всей своей непрочности оно, тем не менее, явилось благом.

Наконец, дипломат, ведущий переговоры, должен отличаться сдержанностью; это обязательное условие. Она необходима ему из уважения к министру, его начальнику, и в ещё большей степени из уважения к тому, с кем он ведёт переговоры. Договариваться—значит беседовать: никто из собеседников не вправе опубликовать что-либо по собственному усмотрению, так как это крайне неделикатно по отношению к другой стороне. Делать достоянием любопытствующей публики колебания, пререкания и ухищрения противника равносильно сжиганию мостов за ним, а часто и за собой, а это значит почти наверняка обрекать всё на полную неудачу.

Я согласен, что в наше время сдержанность не в моде. Публика склонна к сплетням, и некоторые газеты стараются возбуждать эту склонность и даже доводить её до крайних пределов.

Правительства тоже не так свободны в своих действиях, как раньше: им приходится считаться с нетерпением, проявляемым публикой. Но отсюда ещё далеко до того, чтобы вести переговоры совершенно открыто. Впрочем, упреки по адресу тайной дипломатии не новы. В Учредительном собрании на неё нападали Петيون и Вольней, утверждавшие, что Франции достаточно быть справедливой. Ревбель заявил, что великая нация не должна иметь других союзников, кроме провидения, своей собственной силы и справедливости. Конвент, настроенный более реалистически, чем Учредительное собрание, и знавший, что Франция—не единственное государство в мире, предоставил Комитету общественного спасения неограниченное право в случае необходимости вести секретные переговоры. И снова всё пошло своим естественным порядком.

Впрочем, в свободных странах для всех переговоров конечным этапом являются парламенты, так как большинство договоров должно быть представлено им на одобрение до ратификации. Поэтому, не впадая в парадокс, можно сказать, что если переговоры и ведутся втайне, то эта тайна перестаёт существовать с того момента, как сформулировано соглашение, и что в конечном итоге, собственно говоря, не существует тайной дипломатии. Как бы то ни было, человеческая природа остаётся такой, какова она есть: всегда были и всегда будут интриганы, готовые безрассудно мешать переговорам; они будут придавать непомерное значение тем немногим сведениям, которые им удастся подхватить, поколеблют авторитет людей, фактически ведущих переговоры, и заставят усомниться в добросовестности правительства, которому они якобы хотят услужить. Публика не отличает этой тайной дипломатии от секретной дипломатии, и так как оба выражения ей кажутся синонимами, то она считает и ту и другую дипломатию одинаково компрометирующими и опасными.

Всякий, кому приходилось хоть в самой малой степени быть ответственным представителем интересов своей страны за границей, понимает, что в тот день, когда перестанут соблюдать тайну в переговорах, прекратятся и самые переговоры. В политике, как и в прикладной механике, при подсчёте сил надо учитывать и сопротивление. Множество соображений, часто не высказываемых,—самолюбие, частные интересы, традиционные предрассудки, партийные страсти, бушующие внутри страны,—оказывают давление на участников переговоров, и эти препятствия можно преодолеть только в тишине, вдали от взоров возбуждённой и насмешливой публики. Князь Бисмарк, имевший некоторый опыт по этой части, со свойственной ему фамильярностью сказал в 1873 г. в прусском ландтаге: «Если вы хотите купить лошадь, то вы не станете всюду громко называть высшую цену, которую вы согласны заплатить; а если вы хотите сбыть с рук свою лошадь, то вы не станете

оглашать низшую цену, за которую вы готовы её уступить. Дипломатия должна следовать этой элементарной мудрости».

Это действительно элементарно. Какие бы революции ни происходили в будущем, всегда останутся невежды, болтуны и любители ссор, и пока у наций будут спорные интересы, до тех пор тем, кому будет поручено их отстаивать, придётся соблюдать всё те же правила, диктуемые здравым смыслом.

Я сказал уже, что договариваться—значит беседовать, но когда беседа приводит к какому-нибудь результату, необходимо запечатлеть это в письменном документе. Он может называться по-разному. Если он посвящён вопросам общего характера, то называется трактатом, если речь идёт об интересах частных и временных, то он называется конвенцией. Говорят: венские трактаты и почтовая конвенция.

Разрешите мне по этому поводу остановиться на некоторых подробностях. Многие воображают, что с того момента, как посол вручил свои верительные грамоты, он может вести переговоры по всем вопросам, которые интересуют его страну. Это ошибка. Верительные грамоты предназначаются для того, чтобы за послом признали его дипломатическое звание. С момента их вручения посол пользуется привилегиями, присвоенными этой должности, вступает в официальные отношения с правительством, при котором он аккредитован: он облечён авторитетом представителя суверенного государства. Но он не вправе заключать соглашение по какому-нибудь специальному вопросу. Для этого ему требуются специальные полномочия. Поэтому во вступительной части каждого договора после перечня подписавших его лиц имеется указание, что уполномоченные сообщили друг другу свои полномочия и такие оказались в должном порядке.

Однако обстоятельства иногда заставляют отклоняться от строгих правил. Могу привести пример из собственной практики. Я был послом в Вашингтоне в 1898 г., во время войны между США и Испанией. Французское правительство по просьбе мадридского правительства запросило меня, не считаю ли я возможным добиться соглашения, которое положило бы конец войне. По зрелому размышлению я дал утвердительный ответ. Таким образом, мне выпало редкое счастье—быть, так сказать, послом вдвойне и в течение нескольких месяцев представлять одновременно Испанию и Францию. Я вёл переговоры непосредственно с президентом США Мак-Кинли и с государственным секретарём Дэйем. Мне лично посчастливилось иметь помощником г. Тьебо, советника нашего посольства в Вашингтоне. Почти ежедневно мы собирались в Белом доме. Переговоры задерживались только из-за того, что я должен был всё время сноситься с Мадридом. Мак-Кинли принадлежал к республиканской партии. Он был сенатором от штата Огайо и приобрёл популярность как автор покровительственного

таможенного тарифа, выгодного для промышленности США и получившего название тарифа Мак-Кинли. Он был горячим сторонником мира. На его примере я увидел, что можно любить мир и, тем не менее, ввергнуть свою страну в войну. Переговоры не всегда шли гладко. Среди американцев, особенно в Новой Англии, сильны пуританские воззрения, и в США многие представляют себе современную Испанию такой же, какой она была в XVI веке. Наконец, мы пришли к соглашению. Я добился, что Испания, уступившая США Порто-Рико и Филиппинские острова⁵, не только не должна была платить контрибуцию, но ещё получила 20 миллионов долларов, которые полностью были мне переданы тотчас же после подписания мирного договора. Мадридское правительство одобрило наше соглашение и телеграфировало, что посылает мне полномочия для подписания договора. Разумеется, прошло бы немало дней, пока эти полномочия прибыли в Вашингтон, а между тем было крайне необходимо приостановить военные действия, чтобы прекратить бесполезное кровопролитие. Мы торопили с подписанием прелиминарного мира, но у меня на руках не было никаких полномочий, кроме телеграммы. Г-н Дэй очень любезно положился на моё слово, и мы подписали соглашение без дальнейших проволочек. В этот день человечность восторжествовала над формализмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На основании конвенции «О мирном урегулировании международных столкновений», принятой на Гаагской мирной конференции в 1899 г., в Гааге был учреждён Постоянный арбитражный суд (Cour permanente d'arbitrage), обычно неофициально именуемый *Гаагским трибуналом*. Обращение к этому трибуналу не было обязательным для стран, подписавших конвенцию. Разбор Гаагским трибуналом крупных дел, как, например, упоминаемого на стр. 18 касабланкского инцидента, был исключением; обычно трибунал занимался рассмотрением мелких конфликтов.
- ² *Пиренейский мир* был заключён 7 ноября 1659 г., после продолжительной войны между Францией и Испанией.
- ³ *Нимвегенский мир* был заключён в городе Нимвегене (Нидерланды) Францией с Испанией и Голландией в 1678—1679 гг. Он закончил длившуюся с 1672 по 1679 г. войну, начатую Францией против Голландии и протекавшую при участии Англии на стороне Франции и курфюрста бранденбургского Фридриха-Вильгельма, австрийских и испанских Габсбургов и германского императора — на стороне Голландии.
- ⁴ В качестве французского посла в Берлине Жюль Камбон вёл переговоры с Кидерлен-Вехтером, германским статс-секретарём по иностранным делам, по вопросу о Марокко (Агадирский конфликт).
- ⁵ Они были уступлены по Парижскому мирному договору 10 декабря 1898 г., которым закончилась испано-американская война.

ДИПЛОМАТЫ БЫЛЫХ ВРЕМЁН
И НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

«Впрочем, умение вести себя — очень полезная наука».

Монтень, кн. 1, гл. XIII.

I

Я не собираюсь здесь писать историю дипломатии, но, быть может, уместно пояснить то, что я рассказал выше, примерами, заимствованными из прошлого. Вообще дипломаты, в отличие от военных, не являются баловнями историков. Последние едва упоминают их имена; за тайну переговоров, за которую им так часто достаётся от современников, потомство с лихвой воздаёт им молчалием. Я хотел бы напомнить здесь имена некоторых людей, служивших своей родине, о которых в наши дни слишком редко вспоминают.

На уроках в школах не рассказывают, что сделали такие люди, как Вильруа, кардинал д'Осса, президент Жаннен. А между тем все они были сотрудниками Генриха IV в той же мере, как и Сюлли. Его гений обрёл в них удивительные орудия, для того чтобы дать мир Франции. Кардинал д'Осса находился в Риме, где старался примирить короля с папским престолом. Эта задача стала обычной для наших правительств после раздоров [с Ватиканом]. Кардинал добивался также расторжения брака короля с королевой Маргаритой. Он проявил при этом усердие, проницательность и верность, не знающие себе равных: его донесения остаются образцовыми по сие время, и когда его гибкий ум наталкивался на какое-нибудь непреодолимое затруднение, он писал Генриху IV: «Государь, одержите победу, и Рим уступит». Король весьма ценил такой способ ведения переговоров по церковным делам и действовал соответствующим образом.

Президент Жаннен был раньше сторонником Лиги¹; он был преданным слугой герцога Майенского, и именно эта верность в соединении с его безукоризненной честностью и преданностью интересам общего блага расположила к нему Генриха IV. Он был послан в Голландию для переговоров о мире между Соединёнными провинциями и Испанией². Один голландский министр сказал про него: «Ему пришлось бороться с непреодолимыми затруднениями, каждодневно порождавшимися различными и противоречивыми интересами как между договаривавшимися сторонами,

так и между партиями, которые начали образовываться в Нидерландах; при меньшем благоразумии и ловкости он никогда не мог бы справиться с завистливыми происками, всё время мешавшими ему в переговорах». Ни принц Оранский, ни испанский король не были склонны вести переговоры. Последние несколько раз прерывались и снова возобновлялись; они тянулись уже два года, когда Жаннен, знавший, какую силу имеют слова и сколь свойственны слабости даже самым великим людям, придумал заменить слово «мир» выражением «длительное перемирие». Для самолюбия монархов, не желавших согласиться на мир, перемирие оказалось приемлемым, и, таким образом, как бы ведомые за руку послом короля Франции, Соединённые провинции после столь длительной и ужасной борьбы приобрели независимость и вступили в среду европейских государств.

Ришельё, Мазарини, Людовик XIV определяют политику своего века. У всех у них были подчинённые, вполне достойные своих руководителей, но в большинстве своём неизвестные широкой публике. Правда, вспоминают иногда отца Жозефа—друга, наперника и часто советника великого кардинала. Мне кажется, что отец Жозеф приобрёл популярность не столько благодаря своим талантам, сколько благодаря красочности своей фигуры. Если бы он остался господином дю Трембле, а не стал капуцином, он, без сомнения, был бы так же мало известен широкой публике, как д'Аво и Сервьен, которые заключили в Мюнстере Вестфальский договор³, или Лион, этот сластолюбец, но трудолюбивый и выдающийся министр, которого Мазарини завещал Людовику XIV, как его самого завещал Франции перед своей смертью Ришельё.

Надо признать, что Мазарини отнюдь не пользуется у французов тем уважением, какого заслуживает. В то время как в Ришельё, например, потомство видит только его великие достоинства, Рец так хорошо поработал, что в Мазарини оно видит прежде всего его низменные черты. Память о нём заслонили язвительные шутки, памфлеты и песенки, которыми его преследовала золотая молодёжь, окружавшая Конде и Бофора; она издевалась над слабостями человека, потому что неспособна была понять деятельность министра. А между тем если бы Мазарини не принял наследства Ришельё, то трудно себе представить, как мало осталось бы от дела великого кардинала. Дважды Мазарини изгоняли, но, находясь в ссылке, он продолжал давать советы и руководить, а вернувшись к власти, невозмутимый и упорный, снова принимался за дело там, где его оставил, и восстанавливал петли той сети, которой опутывал Испанию. По своей гибкости он не склонен был к ломке: он старался не портить отношений на будущее время, даже когда имел дело со своими злейшими врагами, и к чести его надо сказать, что никого не казнил. Он любил предметы искусства, картины, книги. Он мнил себя

также знатоком военного дела и любил составлять планы кампаний, которые должны были выполнять такие люди, как Конде или Тюренн. Это было у него кокетством, вроде того, какое мы наблюдали у Тьера, который во многом был на него похож. Ж.-Ж. Вейс питал к Мазарини особую склонность: он щеголял пониманием всех тонкостей этого великого политика. Его пленяла гениальность этого итальянца, который, несмотря на жалкое состояние страны, обеспечил ей во внешней политике самые поразительные успехи, и он хвалил Мазарини за то, что тот, несмотря на своё иностранное происхождение, был больше французом, нежели многие французы.

В конце своего царствования, когда Франция была так близка к гибели⁴, Людовик XIV имел к своим услугам для дипломатических переговоров таких людей тонкого ума, как аббат Полиньяк и маршал де Тессе, и идеального министра в лице Торси. Последний был столь порядочным человеком, что ему удалось даже рассеять предубеждения, которые имел против него Сен-Симон, что было не так просто, а Вольтер сказал про него, что он соединял честность с ловкостью. Свои высокие душевные качества он показал в трагический момент. В 1709 г. ресурсы Франции были исчерпаны; в Версале решили просить мира, и на заседании Королевского совета, происходившем 28 апреля этого года, обсуждалось условия, которые Франция должна была предложить союзникам. Никогда ещё не было такого печального заседания совета. Король обливался слезами. Но Торси, убеждённый в необходимости прекратить военные действия, не счёл возможным возложить на Руйе, нашего полномочного представителя в Гааге, обязанность передать эти условия мира герцогу Мальборо, принцу Евгению и Гейнзиусу. Он решил сам отправиться в Голландию. Торси писал: он знает, что подобный договор явится предлогом для упрёков по его адресу и будет позорить его память, но считает, что должен принять за него ответственность и пожертвовать своей репутацией для блага государства. Я не знаю ничего, что служило бы больше к чести министра, чем подобное решение. К счастью для Франции, глупое самодовольство союзников побудило их отклонить эти предложения. Они выставили неприемлемые требования, а тем временем Виллар выиграл сражение при Денене, Мальборо же впал в немилость.

В течение XVIII века Франция не могла пожаловаться на недостаток в дипломатах, но её политике недоставало последовательности, и это обрекало её на неудачу. После смерти Людовика XIV регент⁵ повёл ту политику, которой почти всегда придерживалась его семья, и отнял у Торси руководство иностранными делами, для того чтобы сблизиться с Англией. Это не было новшеством, Генрих IV и Мазарини поступали так же, один — по отношению к Елизавете, другой — к Кромвелю. Но на сей

раз соглашение не представляло собой просто дипломатический ход, а вытекало из общей системы. В течение тридцати лет версальский кабинет не изменял этой политике, и Хорес Уолпол мог расхваливать кардинала де Флэри за его лойяльность.

Этот кардинал пользовался за границей бóльшим авторитетом, чем в Париже. Не раз ему удавалось сохранить мир в Европе, заставляя державы принять посредничество Франции; он нанёс решительный удар Австрии в Италии, отняв у неё Неаполь, Сицилию и Тоскану; наконец, он обеспечил нам обладание Лотарингией. Это были немаловажные заслуги. Но Флэри был склонен решать вопросы путём соглашений; он был стар, терпелив и миролюбив, не любил ничего такого, что давало бы пищу охотникам до новостей; безжалостные парижские салоны упрекали его за политику, которую находили чрезмерно сдержанной.

После его смерти Людовик XV решил править сам. Он часто обнаруживал понимание истинных интересов государства, но у него были скорее благие намерения, чем настоящая воля. Робкий, чувствительный к неудачам, мало уверенный в себе, склонный к окольным путям, этот монарх не знал, что стремление исправить ошибку часто приводит к усугублению её. У него не было ни последовательности намерений, ни твёрдости в их осуществлении; а они, как известно, часто подчиняют себе судьбу. Берни и Шуазель были орудиями политики сближения с Австрией— политики, приведшей к радикальному изменению союзных отношений. Берни не был сторонником этой политики, но он подчинился. Однако после первых неудач он стал говорить о мире и впал в немилость. Позднее его назначили послом в Рим, где он оставался в течение двадцати лет. Там Берни занял выдающееся положение. Он держал себя с приветливым достоинством и проявил щедрость, что обеспечило ему бóльшой авторитет. Берни отказался принести присягу, требуемую законом о гражданском устройстве духовенства, и должен был подать в отставку. Он был беден. Конец жизни этого кардинала, начавшего с писания лёгких стишков, был не лишён благородства.

Шуазель стал его преемником на министерском посту по милости мадам Помпадур. Он был другого склада, чем Флэри и Берни. Насколько недоброжелательно относилось общественное мнение к обоим кардиналам, настолько благосклонно оно отнеслось к Шуазелю. Партия философов превозносила его таланты. Шуазель сумел привести в движение государственную машину и дать такое направление общей политике, которое отвечало склонности французов к блеску. Он подписал «Pacte de famille»⁶ и дал нам Корсику. Его политика опиралась на союз с Австрией и Испанией. Он блестяще проводил её, но ему пришлось испытать жестокие неприятности. Когда Шуазеля сослали в Шантелу, французское общество устроило ему чествование; вошло в моду

навещать его там: все устремлялись туда, а Фридрих II поставил над куполом, венчающим новый дворец Потсдама, три женские статуи, поддерживающие на высоко поднятых руках королевскую корону. Я часто рассматривал эти три фигуры; говорят, что они изображают Марию-Терезию Австрийскую, императрицу Елизавету и мадам Помпадур.

Монархию старого режима накануне её гибели озарил последний луч славы. Этим она была обязана Вержену, который выдвинулся в качестве посла в Швеции и Константинополе. Когда его назначили управлять министерством, он внёс туда серьёзность, столь отличную от манеры его предшественников. Испанский посол граф Аранда говорил: «С г. де Морепа я болтал, а с г. де Вержен я договариваюсь». Естественно, что несколько тяжеловесная солидность этого министра не нравилась при дворе. Королева его не любила. Ему приходилось защищать наши интересы от австрийских интриг. Иосиф II очень бесцеремонно пользовался влиянием своей сестры Марии-Антуанетты. «Подумайте о том,— сказала однажды королева Вержену,— что император—мой брат». — «Я буду помнить об этом,— ответил министр,— но особенно буду думать о том, что его высочество дофин—сын вашего величества». Он пользовался доверием и поддержкой короля, но королева, поддерживавшая Шуазеля, которого всё ещё соблазняла мысль о союзе с Австрией, была вне себя. Провозглашение независимости английскими колониями в Америке⁷ не застигло Вержена врасплох. С 1763 г., когда мы потеряли Канаду, он предвидел, что английские колонии, не нуждавшиеся больше в защите от своих французских соседей, отложатся от метрополии. Он вступился за инсургентов, отомстив этим за бедствия, причинённые нам Семилетней войной⁸, и обеспечил нам дружбу великого народа. Америка и Франция с полным основанием воздвигли памятники Лафайету и Рошамбо; было бы справедливо, если бы они почтили также память Вержена.

II

В начале XIX века выступили на мировую сцену два великих дипломата—Меттерних и Талейран. Если бы Плутарх не вышел из моды, можно было бы провести между ними параллель в его стиле. Они жили в одно и то же время и участвовали в одних и тех же событиях, будучи то союзниками, то противниками. О каждом из них говорили, что он управлял политикой Европы. Правда, во многом они были непохожи друг на друга, но их одинаково не щадили ненависть, нападки и клевета. Однако в оценке таких людей следует обращать внимание не столько на их моральные недостатки, сколько на их деятельность в целом.

Князь Меттерних начал свою карьеру в то время, когда Наполеон стал удивлять мир. В его успехах Меттерних не увидел ничего, кроме ряда военных побед, и когда его назначили послом в Париж, он появился там любезный и самонадеянный, как дипломат старого режима. Сомневаюсь, почувствовал ли он, что присутствует при рождении нового строя и что трёхцветное знамя, которое пронесли по всем столицам, оставляло там брожение революционных идей, символом которых оно являлось. Когда он был канцлером в Вене, его горизонт ограничивался пределами Двуетидной монархии, и он дошёл до того, что отдал дочь своего императора победоносному цезарю, гордыню которого хотел утихомирить⁹. Когда произошёл поворот фортуны, Меттерних стал чрезвычайно тонко обманывать Наполеона, играть на его нетерпении и соблюдать вооружённый нейтралитет, которым маскировал приготовления австрийского генерального штаба до того дня, когда, почувствовав, что Франция доведена до крайности, он смог сбросить маску и присоединиться к союзникам. После того как Наполеон был побеждён, Меттерних возглавил реакцию в Европе. Один за другим, чуть ли не ежегодно, созывались конгрессы: в Аахене, Лайбахе, Троппау, Вероне, на которых Священный союз¹⁰ выносил постановления бороться повсюду со сторонниками либеральных принципов и произвести военную интервенцию в Мадриде и Неаполе. Меттерних пренебрежительно относился к Пруссии и, отказываясь восстановить Германскую империю, был уверен, что Австрия всегда будет занимать первое место в Германском союзе¹¹. Главным предметом его забот был не Франкфурт¹², а Италия. Все свои усилия, всю свою бдительность, всю мощь империи он направил против Италии, отданной ему в полное распоряжение¹³. Милан, о котором Стендаль сохранил такие приятные воспоминания, любил французское господство¹⁴; это был ещё не потухший очаг, из которого Меттерних хотел выбрать золу. Он управлял полицейскими мерами. Наиболее благоразумные люди, особенно выделявшиеся благодаря своему происхождению или заслугам и, я сказал бы также, наиболее христиански настроенные во всём Ломбардо-Венецианском королевстве, находились в изгнании или в заключении в Шпильберге. Этим он подготовлял совсем не то будущее, которое надеялся создать. Сколько пережитых нами событий могло бы сложиться иначе, если бы во Франкфурте и Милане австрийская монархия следовала иной политике! Она потерпела неудачу потому, что ей не доставало великодушия. Разразилась революция 1848 г. Меттерних бежал и скрылся.

Госпожа Ремюза где-то весьма тонко заметила, что люди—не совсем такие, какими они нам кажутся, и что придворная жизнь и привычка к интригам могут приглушить чувствительность у некоторых государственных деятелей, но не уничтожают её окон-

чательно. Князю Меттерниху не были недоступны волнения сердца. Завсегдатай салонов, он любил пользоваться в них успехом. Его бережное обращение с Каролиной Мюрат в 1814 г. освещает одну из сторон его личности. Мы признательны ему за его слабости. В дни его молодости Гёте очаровывал Германию, и это навсегда оставило на Меттернихе некоторый след романтизма и сентиментальности.

Князь Талейран тоже был завсегдатаем салонов. Он приносил туда бесстрастное выражение лица, несколько банальное доброжелательство, лёгкую насмешку и приятность в разговоре, которая обвораживала всех, кто с ним встречался; но в нём не было никакого романтизма. Полученное им духовное воспитание, отпечаток которого он сохранил, защищало его от всякой сентиментальности. Он был—и всегда оставался—человеком XVIII века. В течение всей жизни в нём чувствовался близкий друг и участник забав Бирона, Лакло и Мирабо.

Он обладал даром предвидения. Это опасный дар: люди не любят, чтобы их предостерегали, и Кассандры никогда не пользовались популярностью. Талейран всегда думал о завтрашнем дне, и это определяло его поведение.

Талейран отказался от духовного звания, после того как сыграл видную роль в Учредительном собрании. Именно ему Мирабо перед смертью поручил огласить с трибуны свои последние мысли. Когда начался террор, Талейран находился со специальным поручением в Англии; его изгнали оттуда. Он постарался избежать Европы, где встретил бы одних только эмигрантов, и отправился в США. Это был новый мир, а Талейран не боялся новых идей. Как только во Франции установилось правильно функционирующее правительство, он вернулся туда и подружился с мадам де Сталь. Благодаря ей он стал министром иностранных дел. Это было началом его славы.

Он связал свою судьбу с судьбой молодого героя, который примчался из Египта и привёз с собой надежду на лучшее будущее; Талейран находился около него 18 брюмера¹⁵; вместе с первым консулом он подписал знаменитые соглашения—Амьенский и Люневильский трактаты¹⁶, которые после десяти лет войны позволили Франции думать, что она, наконец, добилась мира.

Вскоре, когда ослепление прошло, Талейран был испуган не знающим пределов воображением императора; он ушёл в себя и снова стал самим собой. Не будет ли смелостью с моей стороны, если я это скажу? Мне кажется, что другие причины, могущие показаться менее вескими,—глубокие и остро ощущаемые обиды—вызвали его окончательный разрыв с императором. Рассказывают, что однажды, спускаясь по лестнице Тюльерийского дворца после тягостного разговора с императором, он воскликнул: «Какое несчастье, что такой великий человек так дурно

воспитан!» Император, видимо, нанёс ему одно из тех оскорблений, которые потом ничем—ни почестями, ни лаской—нельзя было заставить забыть. Талейран, должно быть, испытывал унижение от той роли, которую его заставил играть Наполеон, когда поручил ему принять в своём замке в Валансэ испанского короля Фердинанда VII, находившегося как бы на положении пленника. Талейран сопровождал Наполеона, бывшего ещё в полном блеске славы, в его поездке в Эрфурт¹⁷. Но в то время как германские государи ухаживали за императором, Талейран каждый вечер встречался с Александром I у княгини Турн-и-Таксис; он чувствовал, что намерения Наполеона беспокоят Александра, и, находясь около него, нащупывал будущее. Так в своё время Филипп де Коммин, которому внушали отвращение жестокости, чинимые Карлом Смелым, внимательно следил за политикой короля Людовика XI и старался угадать его судьбу.

После поражения Наполеона Талейран добился у союзных монархов признания принципа легитимизма¹⁸, что должно было обеспечить Франции её старые границы. Но в то же время, представляя сенат Людовику XVIII, он постарался подчеркнуть необходимость конституции, заявив, что «свободные учреждения являются опорой, а не препятствием для монархов, уважающих законы». Его послали тогда в Вену в качестве представителя Франции. Он прибыл туда, облечённый доверием и пользуясь чуть ли не сотрудничеством короля. Его знание Европы, личные связи со всеми государственными деятелями того времени и в особенности знание людей обеспечили ему, после первых неуверенных шагов, господствующее влияние в конгрессе. Следуя прочно установившейся традиции французской дипломатии, он выступал покровителем слабых и опирался на них, чтобы заставить западные державы объединиться против домогательств берлинского и петербургского кабинетов. Здесь Талейран начал применять политику, которой он и Мирабо держались всегда и согласно которой союз Франции и Англии в защите либеральных идей служил самой прочной опорой для мира в Европе. Тьер упрекал Талейрана в том, что он допустил получение Пруссией в 1815 г. общей границы с Францией¹⁹, тогда как при старом режиме владения Пруссии не выходили за пределы Рейна, если не считать области Клеве. Можно действительно сожалеть об этом, но я сомневаюсь, возможно ли было сделать иначе. Англия определённо стремилась поставить у нас под боком эту вечно ненасытную соседку. Лорд Кэстльри писал 1 октября 1815 г. Веллингтону: «Англия не может больше строить свою систему обороны исключительно на защите королевства Нидерландского. Питт действовал совершенно правильно, когда в 1805 г. пожелал предоставить Пруссии более обширную территорию на левом берегу Рейна и в большей степени поставить её в военное

соприкосновение с Францией». Существовало намерение отдать Саксонию Пруссии, а из рейнских провинций образовать королевство для короля Саксонского. Но и этот несчастный государь, находившийся в плену в Берлине, так же как и Людовик XVIII, действовавший по династическим соображениям, не соглашались на такой обмен. Талейран, который нуждался в доверии короля, не мог действовать помимо него.

Как бы то ни было, благодаря свойственному ему сочетанию достоинства и гибкости он так хорошо повёл дело, что Франция, пришедшая на конгресс побеждённой и имевшая против себя объединённую Европу, вышла из него, получив свои прежние границы, расстроив союзы противников и приобретя новых друзей и авторитет.

Правительство Реставрации продолжало существовать, но Талейран снова держался в стороне, предвидя, к какой политической катастрофе приведёт монархию политика крайних. Когда разразилась июльская революция²⁰, когда люди 1830 г., с их несколько иллюзорным представлением об исторической симметрии, полагали, что им удастся осуществить во Франции нечто подобное тому, чем была революция 1688 г. в Англии²¹, и уберечь нацию от полного разрыва с традициями прошлого,—какие воспоминания о днях юности и прежних друзьях, какие надежды, спавшие сорок лет, должно было пробудить в Талейране вступление на престол этой бурбонской и в то же время революционной династии, вышедшей из Пале-Рояля. Он отправился в Лондон, чтобы представить Европе молодую монархию. Он был принят с тем любопытством, смешанным с восхищением, с которым английское общество обычно относится к знаменитым людям, приезжающим из-за границы. Подобно тому как в своё время это делал Жаннен по отношению к Соединённым провинциям, Талейран руководил переговорами, приведшими к признанию независимости Бельгии. Так последовательно осуществлялась французская политика в Нидерландах. Провозглашая принцип невмешательства, Талейран разрушил политику Священного союза и стал вдохновителем договора о нейтралитете, который вверил новое королевство покровительству великих держав. Это было последним его достижением; оно делало честь его предусмотрительности, так же как его миролюбию.

Этот человек, который до самой смерти заботился о соблюдении приличий, в течение своей жизни часто менял партию, но никогда не менял своих мнений. Его взгляды отличались последовательностью и единством, и ничто не могло заставить его отступить от них: ни восторги в начале революции, ни чары гения императора, ни милости монархии после Реставрации. Его идеалом во внутренней политике оставалась программа Учредительного собрания—либеральная и конституционная монархия. Во

внешней политике он кроме союза с Англией стремился к установлению европейского равновесия, которое, оставляя Франции приличествующее ей между нациями место, представлялось ему единственной гарантией всеобщего мира.

В переговорах Талейран поражал своей манерой вести дело открыто, прямолинейно, без недомолвок, показывая этим, что он в такой же мере государственный деятель, как и дипломат. Он выражал своё мнение, не вдаваясь в доказательства и споры, и лорд Пальмерстон сказал, что он никогда не видел человека, который держал бы себя на дипломатических конференциях с меньшими претензиями и с бóльшим достоинством.

Талейран в высокой степени обладал тем свойством, которое любил находить у молодых людей, окружавших его,—пониманием будущего. Отсюда видно, как непохожи были друг на друга Меттерних и Талейран. Свойства их ума были совершенно разные. Один не умел включать в свою политику понимание перемен, которые время приносит с собой: ему казалось, что он может всё остановить, задержать. Другой не позволял себе увлекаться никакими химерами, отходил в сторону, когда ему казалось, что политика не соответствует более здравому смыслу, но шёл в ногу с поколениями, сменявшими друг друга, и на каждом этапе своей жизни становился орудием для осуществления их надежд. Меттерних был человеком Священного союза, Талейран до самой своей смерти оставался человеком 1789 г.

В XIX веке продолжалось дело революции. Кавур и Бисмарк начали разрушать здание, построенное Венским конгрессом. Никто не проявлял бóльшей настойчивости и бóльшей гениальности, чем эти два выдающихся человека, но если взять в целом, то, пожалуй, то, что сделал Кавур, ещё более изумительно, чем то, что сделал Бисмарк,—столько смелости и благоразумия нужно было туринскому правительству²², чтобы построить единство Италии. Этой политике служил выдающийся дипломат Нигра. Её можно было вести только с согласия тюльерийского правительства, а состояние значительной части общественного мнения во Франции не позволяло главе этого правительства обнаруживать свои тайные намерения. Этим объясняются его кажущиеся колебания и те упреки, которыми его осыпали справа и слева, причём одни обвиняли его в вероломстве, а другие критиковали его за слабость. Нигра, сумевший приобрести популярность в разнообразных парижских кругах, в совершенстве обладал умением быть в одно и то же время настойчивым и терпеливым и доказал, какую силу приобретает посол благодаря завоёванным им симпатиям.

Установление гегемонии Пруссии в Германии тоже потребовало продолжительных усилий со стороны её дипломатии. Перед 1866 г.²³ Бисмарку пришлось иметь дело с графом Бейстом, который был тогда саксонским премьером и возглавлял в Гер-

манском союзе сопротивление, оказываемое берлинскому правительству. Это был выдающийся человек, который слыл умным, но, пожалуй, был слишком самоуверен. Так как в Дрездене он изображал из себя значительного человека, который не укладывается в предоставленные ему узкие рамки, то его называли гигантом на антресолях. К несчастью, он встретил ещё большего гиганта, чем он сам. После сражения при Садовой он поступил на службу к Габсбургам. В качестве австрийского канцлера он провёл установление дуализма и, таким образом, сумел положить конец конфликту²⁴, который с 1848 г. делал Венгрию внутренним врагом Австрии. Он успокоил венгров, но это успокоение вызвало ненависть у других; новая конституция империи игнорировала славянские элементы её населения; таким образом, он подготовил будущие катастрофы, которые должны были повести к полному распаду Двуетной монархии.

В России канцлер одно время, казалось, пользовался авторитетом, не уступавшим авторитету Бисмарка. У Горчакова было много ценных качеств государственного деятеля и кое-какие мелкие смешные черты. Как в своё время Кауниц, он придавал чрезмерное значение заботам о своей особе и отличался тщеславием. Его друг и противник Бисмарк умел этим пользоваться, но на Берлинском конгрессе он обидел Горчакова, лишив Россию всех выгод, которые ей доставил Сан-Стефанский²⁵ договор. Таким образом, несмотря на всё значение, которое Бисмарк придавал союзу с Россией, он был первым виновником движения, сблизившего Россию с западными державами.

Что касается Франции, то её внешняя политика в течение последнего века была как бы отражением душевного состояния, которое переживала страна. С 1814 по 1848 г. её направление определяли Людовик XVIII и Людовик-Филипп. Оба были детьми XVIII века, оба обладали его достоинствами и недостатками: ясностью ума, довольно либеральным скептицизмом и некоторой скудостью воображения. Ум их, классический, как литература их времени, опасался энтузиазма. Поэтому французская молодёжь, вступавшая в жизнь около 1820 г., не знала, что делать с собой. Как сказал Ламартин, Франция скучала. Франция стала романтической. На смену этим государям пришёл император, который показал Франции, что такое романтическая политика. Этот сентиментальный Наполеон сохранил в себе что-то от заговорщика, каким он был в молодости. Он претендовал на то, чтобы продолжить дело своего дяди, великого императора, и отомстить за него, и в один прекрасный день он гордо заявил перед лицом всей Европы, что договоры 1815 г., наконец, утратили силу. У него не было другой цели, кроме уничтожения их, и он не отдавал себе отчёта в том, что эти договоры, несмотря на наше поражение, сохранили за Францией выдающееся положение, которое ей

веками создавала наша дипломатия, и что разрушать установленный ими европейский порядок значит работать больше на другие страны, чем на свою. Наполеон был типичным представителем того поколения, вскормленного на слишком жирном молоке, чьи замыслы, надежды и мечты не подкрепляла воля и кого Мюссе изобразил на первых страницах «Исповеди сына века». Противоречия в мыслях и политике Наполеона проявлялись также в его Совете и среди его окружения. Некоторые из его подчинённых говорили ему о разумных традициях нашего ведомства, другие поощряли его увлечение химерическими замыслами, и между графом Валуевским и принцем Наполеоном, между Друэн-де-Люи и Тувенелем он шёл колеблющимся шагом по пути, который привёл его к Седану²⁶.

После 1871 г.²⁷ Франция умела выжидать. Я слышал, как Тьер в то время говорил, что ей не раз представлялся случай выйти из своего изолированного положения и играть роль в европейских делах. Ещё больше, чем благоразумие, его удерживало опасение уронить достоинство страны. После него пришли другие люди, преследовавшие те же цели. Назовём только тех, кого уже нет в живых,—герцог Деказ, Фрейсине, Гамбетта, Жюль Ферри, Делькассе работали, каждый соответственно своему дарованию, над улучшением внешнего положения страны и завоевали Франции симпатии всего мира. У них были хорошие сотрудники. Накануне войны 1914 г. ни одна страна не имела лучшей дипломатии, чем Республика.

Я не могу перечислить здесь всех наших послов, но позвольте мне напомнить о том²⁸, кто, организовав Тунисский протекторат, отметил своё пребывание в Константинополе защитой христиан от варварства кровавого султана. Получив назначение в Лондон, он оставался там более двадцати лет; он приобрёл там дружбу монархов, доверие правительства, уважение британской нации. Его лояльность рассеяла все недоразумения, существовавшие между нашей страной и Англией. Сдержанность его советов не лишала их силы. Тонкость его ума, не менее чем сдержанность и умеренность его речи, обеспечивала ему авторитет у всех его коллег без исключения, а так как он был старшиной дипломатического корпуса, то они охотно признавали его авторитет. А что сказать о другом²⁹, который казался живым контрастом ему, хотя был его ближайшим другом? Рослый, смелый, с решительной речью, но столь же благоразумный, сколь энергичный, он не отступал от той линии поведения, которую себе наметил. Поставленный на самый трудный пост в мире, находясь в среде людей гордых и имевших основания быть обидчивыми, он, несмотря на тысячу преград, постепенно развязал узы, связывавшие Рим с Берлином, и сумел возможного врага превратить в друга, союзника, собрата по оружию.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ *Священная лига* — организация католиков, возникшая в 1576 г., во время религиозной войны во Франции.
- ² *Соединёнными провинциями* называлось новое государство, образованное семью северными нидерландскими провинциями во время буржуазной революции XVI века. Восставшие стремились освободить Нидерланды от власти испанской абсолютной монархии. Война против Испании продолжалась до 1609 г., когда между Испанией и Соединёнными провинциями был подписан договор о перемирии, по которому Испания признала независимость северных Соединённых провинций.
- ³ *Вестфальский договор* был заключён в 1648 г. между Священной Римской империей германской нации, с одной стороны, и Францией и Швецией — с другой, в двух городах Вестфальской области — Мюнстере (где заседали представители Франции) и Оснабрюке (представители Швеции). Договор положил конец Тридцатилетней войне (1618—1648). По Вестфальскому миру Франция получила Эльзас (без города Страсбурга) и окончательно присоединила к себе три лотарингских епископства (Мец, Туль и Верден).
- ⁴ Камбон имеет в виду тяжёлые военные поражения Франции в войне за испанское наследство (1701—1714).
- ⁵ В первые годы царствования Людовика XV (1715—1723) регентом являлся его дядя Филипп Орлеанский.
- ⁶ Так называемый *фамильный* (династический) *договор* был заключён 15 августа 1761 г. представителями династии Бурбонов, правивших во Франции, Испании, королевстве Обеих Сицилий и Парме. Договор Франции с этими государствами укрепил её международное положение и дал ей возможность присоединить Лотарингию и остров Корсику.
- ⁷ Провозглашение независимости английскими колониями в Америке произошло 4 июля 1776 г., в период войны за независимость, которая велась ими против Англии в 1775—1782 гг.
- ⁸ *Семилетняя война* происходила в 1756—1763 гг. между Пруссией и Англией, с одной стороны, и Австрией, Саксонией, Россией, Францией и Швецией (а позже и Испанией) — с другой. Война закончилась победой Англии над Францией и Испанией. В результате этой войны Франция утратила Канаду, часть Луизианы и некоторые другие колониальные владения.
- ⁹ Речь идёт о браке Наполеона I с Марией-Луизой, дочерью австрийского императора Франца I (1810).
- ¹⁰ *Священный союз* был образован в сентябре 1815 г., когда Россией, Австрией и Пруссией было подписано заявление о взаимопомощи всех «христианских государей». К этому заявлению позднее присоединились почти все континентальные государи. Священный союз являлся клерикально-монархической организацией, поставившей себе цель подавления революционного духа и политического и религиозного свободомыслия. Конгрессы Священного союза созывались: 1) в 1818 г. — в Аахене, 2) в 1820 г. (в октябре) — начался в Троппау и закончился в Лайбахе в 1821 г. (в мае), 3) в 1822 г. — в Верроне.
- ¹¹ В 1806 г. формальным актом отречения Франца I от императорской короны закончила своё официальное существование давно уже являвшаяся фикцией Священная Римская империя германской нации. Актом 8 июня 1815 г. на Венском конгрессе был образован Германский союз, объединивший все государства, входившие прежде в состав Священной

- Римской империи германской нации. Меттерних энергично боролся против стремления Пруссии воссоединить Германию под своим главенством.
- ¹² Во Франкфурте заседал Союзный сейм Германского союза, являвшийся единственным общим органом Союза. Союзный сейм не имел никаких исполнительных функций, а являлся скорее постоянной конференцией посланников государства, входивших в состав Германского союза. Председательствовал в сейме представитель Австрии.
- ¹³ Решением Венского конгресса *Северная Италия* (Ломбардия и Венецианская область) была присоединена к Австрии.
- ¹⁴ Милан в 1796 г. был занят армией Бонапарта. В следующем году он стал столицей недолго просуществовавшей Цизальпинской республики, созданной Бонапартом, с 1799 г. по июнь 1800 г. опять был занят австрийцами, с июля 1800 г. — снова французами, с января 1802 г. сделался столицей Итальянской республики, также созданной Наполеоном, и с 1805 г. — столицей Итальянского королевства. Милан был одним из центров борьбы против австрийского господства в Италии.
- ¹⁵ *18 брюмера VIII г.*, по календарю, введённому Французской революцией (9 ноября 1799 г.), Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, устранив власть Директории и установив исполнительную власть трёх консулов, одним из которых стал он сам.
- ¹⁶ *Люневильский мирный трактат* был подписан 9 февраля 1801 г. Францией с разгромлённой ею Австрией. Англия, продолжавшая войну против Франции, вытеснила французские войска из Египта. Ослабленная выходом Австрии из антинаполеоновской коалиции, охлаждением отношений с Россией (претендовавшей на остров Мальту, захваченный англичанами) и обеспокоенная приготовлениями Наполеона к десанту, Англия согласилась заключить *Амьенский мир*. Подписанный 27 марта 1802 г., он оказался, однако, только коротким перемирием. Уже в мае 1803 г. Англия возобновила военные действия против Франции.
- ¹⁷ В Эрфурте в сентябре—октябре 1808 г. состоялась встреча Наполеона I с Александром I.
- ¹⁸ *Легитимизм* — политическая и правовая доктрина, по которой право на престол могут иметь лишь легитимные, т. е. законные (*legitime* — законный), наследники династии.
- ¹⁹ Среди земель, полученных Пруссией по решениям Венского конгресса, была территория на левом берегу Рейна.
- ²⁰ *Июльская буржуазная революция 1830 г.* в Париже свергла Карла X Бурбона. К власти пришёл «король-буржуа» Филипп Орлеанский, тесно связанный с крупными финансистами. Его резиденцией являлся Пале-Рояль.
- ²¹ *Революция 1688 г. в Англии*, превозносимая буржуазными историками как «славная», «бескровная» и т. д., привела к смене династии, заменив Карла II Стюарта Вильгельмом III Оранским. Значение этой буржуазной революции состояло в том, что она способствовала значительному ограничению королевской власти и расширению полномочий парламента.
- ²² *Турин* был столицей Сардинского королевства, явившегося центром воссоединения Италии. С образованием Итальянского королевства Турин стал его столицей (с 1860 по 1865 г.).
- ²³ В 1866 г. разразилась австро-прусская война. Саксония выступила в этой войне на стороне Австрии. 3 июля 1866 г. в сражении при Садовой (Кёниггрец) прусские войска одержали решительную победу над австрийскими.

²⁴ С XVI века в северной части Венгрии власть захватила династия Габсбургов. С 1697 г. Габсбурги легализовали своё право наследования венгерского престола. Национально-освободительная борьба венгров против Австрии приняла особенно большой размах во время революции 1848 г.

В 1867 г. был установлен дуализм, явившийся сделкой между австрийскими правящими кругами и венгерским дворянством. *Дуализм* (от латинского *dualis* — двойной) — обозначение государственного устройства Двуетадной австро-венгерской монархии. По соглашению 1867 г. оба государства имели свои законодательные учреждения и министерства. Существовало также подобие общего Законодательного собрания в форме так называемых делегаций, по 60 человек от Австрии и от Венгрии. Общими делами Австро-Венгрии были признаны иностранные дела, военные дела и финансы.

²⁵ По *Сан-Стефанскому* договору, заключённому 3 марта 1878 г. с Турцией, Россия добилась суверенности Сербии, Румынии и Черногории, создания Болгарского княжества от Дуная до Эгейского моря и от Чёрного моря до Охридского озера, возвращения части Бессарабии, отторгнутой по миру 1856 г., присоединения к России Карса, Батума, Ардагана и Баязета. По настоянию Англии и Австро-Венгрии Сан-Стефанский договор был пересмотрен на *Берлинском конгрессе*, заседавшем под председательством Бисмарка 13 июня — 13 июля 1878 г. Согласно решению Берлинского конгресса Болгария делилась на три части, две из которых — Восточная Румелия и Болгарская Македония — по-прежнему оставались под полной властью Турции. Баязет в Малой Азии возвращался Турции.

²⁶ *Седан* — крепость во Франции. Сосредоточенная здесь во время франко-прусской войны значительная часть французской армии вместе с императором Наполеоном III Бонапартом 2 сентября 1870 г. сдалась немцам. Через день после седанской катастрофы в Париже произошёл переворот, в результате которого была провозглашена республика. Слово «Седан» стало синонимом всякого катастрофического поражения.

²⁷ Т. е. после поражения, понесённого Францией в франко-прусской войне 1870—1871 гг.

²⁸ Жюль Камбон имеет в виду своего брата *Поля Камбона* (1843—1924), видного дипломата. После того как в 1881 г. был установлен протекторат Франции над Тунисом, Поль Камбон был назначен в 1882 г. в Тунис французским министром-резидентом. В течение ряда лет он занимал пост посла в Мадриде, Константинополе и, наконец, с 1898 г. в Лондоне, где он оставался до 1920 г. При нём произошло сближение между Англией и Францией, так называемое «Сердечное согласие» (1904 г.), а спустя восемь лет, в 1912 г., он обменялся письмами с министром иностранных дел Великобритании Греем относительно сотрудничества военных сил Англии и Франции в случае нападения на одну из них третьей державы. В кризисные дни 1914 г. он добивался участия Англии в войне.

²⁹ Имеется в виду французский дипломат *Камилл Баррер* (родился в 1851 г.). На протяжении своего долголетнего (1897—1925) пребывания послом в Риме Баррер энергично работал над разрушением Тройственного союза, связывавшего Италию с Германией и Австро-Венгрией, и способствовал выступлению Италии в войне 1914—1918 гг. на стороне Антанты.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОРПУС

«Нет такой профессии, в которой не было бы ученичества, и от самых низких званий до самых высоких мы повсюду находим период ознакомления и тренировки, подготовляющий к исполнению обязанностей».

Ла-Брюйер

Демократия всегда будет иметь послов и посланников, но вопрос—будет ли она иметь дипломатов. Здесь важна не форма правления, а политические и общественные отношения. Эта деятельность требует от тех, кто посвящает себя ей, известной культуры и известной привычки к светской жизни. Поэтому кажется естественным, что дипломатический корпус пополняется представителями той среды, где встречаются эти качества; но в этом-то и состоит затруднение: демократия с трудом мирится со всем, что похоже на отбор. Можно задать вопрос, необходимо ли существование дипломатического корпуса и не достаточно ли будет, чтобы правительство выбирало представителей применительно к требованиям момента? В действительности это было бы возможно при старой монархии, когда постоянство во внешней политике до известной степени поддерживалось существованием королевской власти. В демократическом государстве это было бы более рискованно. Министры, сменяющие здесь друг друга, не обязательно являются государственными людьми. Они могут привносить в дела личные чувства или партийные предрассудки. Поэтому, не впадая в парадокс, можно утверждать, что в демократической республике ещё больше, чем в монархии, дипломатия нуждается в традициях и кадрах.

Здесь заслуживает внимания пример Америки. После каждого президентских выборов состав послов обновляется: их должности чаще всего становятся вознаграждением за услуги, оказанные во время избирательной кампании. Вашингтонское правительство, отделившее от остального мира Атлантическим и Тихим океанами, располагает в этом отношении свободой действий, которой нет у правительств старой Европы, где имеются соседи. Однако в США определённо намечается течение в пользу образования дипломатического корпуса. Если важные посты большей частью приберегаются для фаворитов победившей партии, то на второстепенных постах и в канцеляриях имеется много опытных чиновников, которые не сменяются.

Во Франции молодые люди, желающие вступить на дипломатическое поприще, которое у нас принято называть «la carrière», должны сдать экзамен. Это конкурс, который выдерживают лишь немногие. Раньше кандидаты могли проникать через другую дверь. Молодым атташе, которых называли «attachés autorisés», разрешалось проходить стаж при посольстве. По истечении года их допускали к специальному экзамену. Они являлись с отметками начальника, у которого они служили, и это было не лишено своих преимуществ. Сент-Бёв заметил, что в обществе, в жизни, в современном свете многое усваивается с воздухом, из общей атмосферы и из повседневных отношений. Судить о людях, полагаясь только на экзамен, было бы лишь подобием справедливости: наряду с книжными знаниями существует ещё знание света, проникательность, одним словом—ум, и этому в школе научиться нельзя.

Однако есть посты, в отношении которых у правительств могут быть особые соображения; в таких случаях они избирают агентов по своему усмотрению и соображаясь со своими удобствами. Все правительства прибегали к этому способу, и не мне его критиковать, так как я был генерал-губернатором Алжира, когда меня послали в Вашингтон. Это практиковалось и при старом режиме. Виллар был столь же хорошим дипломатом, сколь и выдающимся генералом. Немало представителей церкви и судебного ведомства прославили французскую дипломатию. Это происходит потому, что на определённой высоте выявляется и осознаётся единство государственных интересов. Особенности, свойственные отдельным профессиям, сглаживаются: горизонты расширяются, точки зрения сливаются. Все пути, ведущие к этим вершинам, соединяются там. Где бы человек ни служил своей стране—в армии, в суде, в высшей администрации,—он может приобрести знание людей и понимание интересов государств. Из всех способов изучать дипломатию самым ценным является практическое знакомство с делами государственного масштаба.

Дипломатический корпус проникнут корпоративным духом, как и должно быть; плохо только, когда это вырождается в своего рода кастовый дух. Здесь, естественно, наблюдается тенденция выражать недовольство по поводу использования правительством своего права брать агентов не из кадровой дипломатии. Может быть это и хорошо. С этим правом дело обстоит так же, как и со всякими другими правами; оно легко может превратиться в злоупотребление, если не следить за его применением и не подвергать его критике. В сущности, кастовый дух существовал всегда. Чувство того же порядка вдохновляло Сен-Симона, когда он упрекал Людовика XIV в том, что тот обуржуазил высшие должности. В этом он ошибался: предшественники Людовика XIV, так же как и он, хотели только одного—иметь хороших слуг, и они больше

ценили у своих агентов талант, чем дворянские грамоты. Жаннен был сыном кожевника, а кардинал д'Осса—чуть ли не подкидышем. Истинно деловые люди никогда не принимали особенно всерьёз претензии, основанные на родовитости. Вот как выразился на этот счёт дипломат XVIII века, понимающий толк в этом деле: «Большинство знатных особ годятся более для парадных посольств, чем для переговоров. В миссиях, посылаемых по случаю крестин или бракосочетания, похорон или рождения, или для присутствия при клятвенном подтверждении договора,—вот где они действительно на своём месте. Они рождены только для того, чтобы говорить комплименты, и у них нет ни времени, ни охоты заниматься делами». Таково было мнение чиновников, которые при старом режиме двигали дипломатическую машину. Поведение Сен-Симона только подтверждает это наблюдение; когда его послали в Мадрид с парадным посольством, он желал иметь дело только с градами и интересовался лишь всякими мелочами этикета.

Несомненно, что при выборе своих агентов правительство в первую очередь должно считаться с интересами службы. Отказ от такого подхода к делу, откуда бы он ни шёл—снизу или сверху,—одинаково свидетельствует об узости ума и пренебрежении интересами государства у того, кто его допускает.

Республика за время своего почти шестидесятилетнего существования проявляла удивительный эклектизм: она брала министров и из среды кадровых дипломатов и вне этого круга. В общем у неё оказалась довольно счастливая рука. Таке Йонеску, бывший министром иностранных дел в своей стране, рассказывает в своих воспоминаниях о беседе, которую однажды имел в Вене, в 1911 г., с графом Эренталем. Австрийский министр признался, что долгое время верил в превосходство монархии в вопросах внешней политики, но что Франция убедила его в противном: она с бесспорным успехом ведёт превосходную политику. Надо признать, что в истории дипломатии немного найдётся более замечательных страниц, чем вписанные французской дипломатией с 1871 по 1914 г. Сохранять достоинство побеждённой нации перед европейскими кабинетами, в общем враждебно относившимися к республиканской идее и старавшимися подружиться с победителем; заставить примириться с политикой, которая стремилась к расширению влияния в Азии и Африке, что вызывалось потребностью страны в активной деятельности; приобрести друзей и подготовить союз наций, позволивший нам выдержать нападение вторгшегося в наши пределы противника,—такова была задача, стоявшая перед французской дипломатией, и она удачно её решила. Эренталь был прав: у Республики не было никакого основания завидовать монархии.

И всё-таки находится много людей, воображающих, что нация может обойтись без дипломатов. Дело в том, что людей, горизонт которых ограничен их домашним бытом, больше, чем думают. К несчастью, не все по темпераменту своему такие домоседы. У наций имеются соседи, которые часто бывают неделикатны, иногда сварливы и которые слишком часто напоминают им, что они не одни существуют на земле. Экономическая жизнь народа, если он полон сил, выходит за пределы его государства, и по мере своего роста народ расширяет свои отношения с окружающим миром; этот контакт между нациями и расами всегда являлся проводником цивилизации, и, когда народ замыкается в своём быту, как это сделали в своё время китайцы, он начинает чахнуть. Великие государственные деятели никогда не верили в возможность изоляции. Постоянной заботой Бисмарка было обеспечить себе союзные или по крайней мере дружеские отношения, и одним из наиболее серьёзных его упреков по адресу Вильгельма II было то, что тот своим неблагоразумным поведением испортил отношения Германии с Россией. Если бы я хотел определить политику Наполеона, то, хотя он и воевал со всей Европой, я всё же сказал бы, что его политика заключалась в поисках союзов на континенте, только с применением для этого силы. Предпринимаемая походы на Мадрид и Москву, император хотел главным образом заставить Испанию и Россию стать участниками его системы, направленной против Англии. К счастью, эти примеры не принадлежат к числу тех, которые могут вызвать подражание у свободной демократии, но из того, что политические нравы станут иными, ещё не следует, что изменятся условия национальной жизни. Поскольку правительства различных стран будут поддерживать отношения между собой, они будут нуждаться в агентах для представительства и осведомления, и, как бы их ни называли, эти агенты будут заниматься дипломатией.

Роль этих агентов с каждым днём становится всё труднее. Пресса, парламентские кулуары, аферы всяких дельцов, невежество публики, нетерпение, проявляемое общественным мнением, которое хочет всё знать и которое чаще всего, после того как ему всё объяснили, знает не больше, чем прежде,— всё это создаёт атмосферу, неблагоприятную для осуществления политических планов. Но если правительства проявят хоть немного благоразумия и такта в выборе своих агентов, то последние преодолеют все эти затруднения. У каждой эпохи были свои затруднения. Ришельё говорил, что передняя короля причиняла ему больше неприятностей, чем вся остальная Европа. Это надо помнить, когда служишь своему времени, чтобы не впасть в отчаяние.

II

Дипломатия—занятие, не допускающее оседлого образа жизни. Между министерскими канцеляриями и посольствами непрерывно происходит обмен персоналом. Это старый обычай и весьма хороший, ибо чиновники, находящиеся на службе в Париже, склонны упрекать своих товарищей, живущих за границей, в том, что они поддаются иностранному влиянию, а те склонны обвинять своих коллег в министерстве в том, что они ограничивают свой горизонт Кэ д'Орсе¹. Путешествия воспитывают молодых людей, а людей зрелого возраста приучают воздерживаться от категорических суждений, к которым мы чересчур склонны, когда смотрим на мир с одной какой-нибудь точки зрения и не осознаём всего разнообразия людей и предметов.

Дата рождения министерства иностранных дел—1 января 1589 г. До этого времени иностранные дела были поделены между четырьмя секретарями, которые совместно управляли королевством. Генрих III сосредоточил их в руках одного из секретарей, которого звали Луи Раволь. С тех пор, т. е. за 337 лет, во главе ведомства сменилось 128 министров. Этим списком можно гордиться; он включает в себе несколько величайших имён нашей истории. Монархия старого режима, с 1589 г. по 10 августа 1792 г., т. е. в течение 203 лет, имела только 34 министра. Революция, империя и конституционная монархия за 78 лет, с 10 августа 1792 г. по 4 сентября 1870 г., имели 51 министра. С 4 сентября 1870 г. республика насчитывает 43 министра. Продолжительность пребывания министра на своём посту обнаруживает явную тенденцию ко всё большему сокращению, и это создаёт некоторое неудобство.

В Англии существует оригинальный институт для обеспечения преемственности в политике Форейн офис: я имею в виду постоянного заместителя статс-секретаря. За последние годы этот важный пост занимали такие люди, как сэр А. Никольсон (ныне лорд Карнок), лорд Гардинг, бывший посол в Париже, сэр Эйр Кроу, участвовавший в мирной конференции; сейчас этот пост занимает сэр У. Тиррел. Я знал этих выдающихся людей и имел высокую честь быть их другом; я никогда не замечал, чтобы их сотрудничество, столь ценное для министра, сколько-нибудь умаляло авторитет последнего. Между тем во Франции звание заместителя министра обычно предоставляется политическим деятелям, которым предстоит стать министрами, но которым нужно ещё получить несколько нашивок, прежде чем им вручат портфель. В сущности, титул не имеет никакого значения. На Кэ д'Орсе директора—преемники видных чиновников, носивших при старом режиме скромное название *commis* [служащие],—играют, как и эти последние, хотя малозаметную, но по существу весьма значительную роль.

Именно они ведут переговоры с иностранными представителями по вопросам, не требующим личного вмешательства министра: они сосредоточивают у себя, направляют и контролируют работу канцелярий и придают окончательную форму и вид документам, выражающим намерения их начальника. Наши директора всегда старались сохранить в депешах своего ведомства характер, или, точнее говоря, стиль, который одной своей ясностью свидетельствовал бы о правильности мысли. Говорят, что Наполеон особенно ценил ноты и докладные записки Рейнгарда. Эта традиция сохранилась. Назову только тех, кого уже нет в живых: Депре, Низар и мой друг Фрэнсис Шарм хорошо владели пером. Я был близко знаком с Низаром. Его учтивые манеры, любезное обхождение, его знание Европы, благоразумие, безошибочность его мнений, старание, которое он прилагал к тому, чтобы никогда не ставить своего министра в неловкое положение, придавали большой вес его словам. У него было, впрочем, от кого унаследовать эти свойства. О нём можно было сказать то, что сказал Сент-Бёв о его отце, Дезире Низаре, выдающемся представителе классической критики в прошлом столетии: «Он обладал одним из тех умов, какие редко встречаются,—умом твёрдым, но не застывшим, защищённым твёрдыми принципами, но доступным убедительным доводам; умом, который сам по себе был своеобразен и благодаря которому всё, что он обсуждал или хотя бы затрагивал, приобретало явный отпечаток проницательности, знания и моральных принципов». К несчастью, Низар страдал физическим недостатком, сильно стеснявшим его и других, но зато, быть может, позволявшим ему ещё с большим вниманием относиться к делам. Он был глух, совершенно глух; глухота его была отнюдь не дипломатическим маневром. Но он обладал такой быстротой соображения, что понимал всё, и его собеседники охотно подвергали себя неудобствам, разговаривая с ним.

Как бы там ни было, над канцеляриями всегда будут издеваться, а они переживут все насмешки по той причине, что канцелярии необходимы. И если бы даже упрёки, которые им делают, были во сто крат справедливее, то результат был бы тот же самый. Если министр—настоящий начальник, он будет хозяином в своём ведомстве; если же, как это иногда случалось, он недостаточно подготовлен для своей задачи, он найдёт среди своих сотрудников сведущих людей, которые дадут ему возможность всё-таки прилично справиться с этой задачей и не ударить лицом в грязь. Он не останется в долгу, если, покинув министерство, будет требовать уважения к традиции, которую до вступления в кабинет презрительно называл рутинной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кэ д'Орсе* — набережная в Париже, местопребывание министерства иностранных дел, общепринятое обозначение французского иностранного ведомства.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОНСУЛЫ

«Крупные торговые предприятия неизбежно вмешиваются в общественные дела».

Монтескьё, Дух законов,
кн. XX, гл. 1.

Незадолго до смерти Талейран произнёс в Академии моральных и политических наук похвальное слово, посвящённое Рейнгарду, бывшему министру иностранных дел. Он напомнил, что Рейнгард изучал богословие в семинарии в Дюссельдорфе и на протестантском факультете в Тюбингене и вынес оттуда силу и гибкость мышления, которыми отличалось потом всё, что выходило из-под его пера. В связи с этим Талейран заметил, что в прошлом некоторые из наших великих дипломатов были хорошими богословами. Многочисленная аудитория, собравшаяся в зале института, чтобы в последний раз засвидетельствовать своё почтение престарелому князю, разразилась при этом аплодисментами. Казалось, что за спиной государственного деятеля появилась тень бывшего отенского епископа.

Действительно, церковь при старом режиме дала много замечательных дипломатов, притом наиболее выдающихся. Они проявили исключительную преданность на службе королю; в Риме же их облачение давало им возможность говорить с папским престолом в более свободном тоне, чем то могли позволить себе светские лица. С начала XIX века положение изменилось: духовенство перестало быть особым сословием в государстве. Когда, из-за характера некоторых дел, правительствам нужно было обратиться за содействием к какому-нибудь духовному лицу, они делали это, считаясь с его личным положением, и не давали ему никакого официального поручения.

В наше время, когда правительствам нужны агенты, не принадлежащие к кругу кадровых дипломатов, они обращаются к политическим деятелям и представителям делового мира. Это знамение времени. Очевидно, наши отцы думали не так, как мы. Из всех пружин, приводящих в движение государственную машину, материальные интересы стали наиболее могущественными, и они в силу этого определяют отношения между нациями. В наши дни это можно видеть на примере нефти и каучука. Замечание Монтескьё, что крупные промышленные и торговые предприятия

составляют существенную часть государственных дел, никогда не звучало так правильно, как теперь.

Вследствие этого выросло значение консулов, в задачу которых входит защита интересов нашей торговли и помощь нашим соотечественникам. В похвальном слове Рейнгарду, который был в своё время генеральным консулом в Милане, Талейран следующим образом определил роль этих чиновников: «Их функции бесконечно разнообразны. В пределах своего округа они могут выполнять по отношению к соотечественникам обязанности судьи, арбитра, примирителя; они часто составляют акты гражданского состояния, выполняют обязанности нотариуса, а иногда и начальника флота; наблюдают за санитарным состоянием судов и составляют соответствующие акты. Именно они благодаря своим деловым связям могут дать правильное и полное представление о состоянии торговли, судоходства и промышленности страны, где они находятся».

При исполнении своих обязанностей консулы заботятся также о том, чтобы собранные ими наблюдения были использованы коммерсантами и промышленниками их страны; эти донесения публикуются в специальных бюллетенях. Мне приходилось слышать от наших коммерсантов жалобы на инертность наших агентов за границей, и когда я вникал в суть дела, то часто констатировал, что они должны были винить только самих себя за то, что не заглядывали в консульские донесения, вполне доступные для них.

В портах Ближнего Востока начиная с XVI века европейские консулы играли роль не только в торговых делах. На основании договоров, получивших название капитуляций, они пользовались особыми правами. Этот режим был распространён на все дальневосточные страны, такие, как Сиам, Китай и Япония. На основании этих договоров консулы пользовались правом юрисдикции по отношению к своим соотечественникам по уголовным, гражданским и торговым делам; они пользовались также почти всеми дипломатическими привилегиями. В этих странах судопроизводство было столь несовершенно, правительственная власть проявляла такой произвол, нравы были настолько отличны от наших, что без капитуляций европейцы не могли бы чувствовать себя в безопасности и спокойно вести торговые дела.

Установлением этого режима капитуляций цивилизованные державы обязаны именно Франции. Франциску I принадлежит заслуга уничтожения узких рамок, в которые была заключена до него международная политика. Он поручил де Лафоре, посланному в Константинополь, договориться с великим монархом Сулейманом, и в феврале 1535 г. этот посол подписал с Портой первый договор, освобождавший французов от турецкого суда. Другие христианские державы выразили негодование по поводу того, что

Франция заключила соглашение с неверными, после чего поспешно последовали её примеру.

Это право покровительства, осуществляемое консулами, вскоре было распространено не только на их соотечественников. В то время как православные греки обращались к защите России, папский престол поручил Франции защищать на Востоке интересы католиков всех национальностей. Французские правительства, независимо от их направления, всегда внимательно выполняли это поручение, и генерал Обер-Дюбайе, посол Директории в Константинополе, проявлял в этом деле такую же исполнительность и энергию, как и его предшественники, королевские послы. В странах Востока религия сливалась с национальностью. Религиозная защита была значительной силой, способствующей росту морального влияния Франции, а следовательно и её политического авторитета. Школы, больницы, монастыри и все заведения, во множестве созданные миссионерами на территории Малой Азии, вывешивали—по праздникам или когда угрожала опасность—французский флаг. К тому же наши консулы всегда были на высоте своей задачи. Состояние анархии, которое было обычно для Османской империи, к сожалению, слишком часто вынуждало их рисковать своей жизнью. Беспорядки там никогда не прекращались, но в 1895 и 1896 гг. они достигли небывалых размеров. На всём пространстве империи фанатические банды нападали на армянское население, убивали, грабили, похищали женщин и продавали их на рынке, как рабынь. Некоторые турецкие чиновники исполняли свой долг, но обычно власть проявлялась в таких мягких формах, что возникал вопрос, не действуют ли убийцы и правительство заодно и не задумано ли наверху уничтожить всю армянскую нацию. В Диарбекире, Эрзеруме, Сивасе, Трапезунде и даже в Константинополе местные христиане жили под вечным страхом. Христианское население, обезумев от ужаса, бежало и искало убежище в наших консульствах и школах. Повсюду наши агенты принимали их, оказывали им содействие и даже защищали их с оружием в руках. Отвращение, которое внушали цивилизованному миру вести об этих убийствах, могло сравниться только с восхищением, вызываемым мужеством наших консулов. Папа Лев XIII неоднократно выражал французскому правительству благодарность за деятельность наших представителей, спасшую столько человеческих жизней.

Но всё может выродиться в злоупотребление. В некоторых странах европейские консулы широко предоставляли покровительство своего флага туземцам, которые искали у них защиты от своего правительства или которые являлись лишь подставными лицами иностранных аферистов. Когда мы ещё только водворялись в Марокко, такие авантюристы создавали нам бесконечные затруднения, которые неизбежно должны были вызывать реакцию,

особенно в такое время, когда цветные расы стали оспаривать у белого человека превосходство, признававшееся за ним до сих пор. В 1899 г. Япония отвергла режим капитуляций, а теперь в Новой Турции Анкарский парламент, рассчитывающий избавиться от опеки Европы, если усвоит её учреждения и головные уборы¹, тоже собирается отнять у консулов их освященные веками права юрисдикции.

Ввиду той особой роли, какую консулы играли в столь обширных империях, как Турция или Китай, вполне понятно, что их функции были предметом больших разногласий. Во Франции юриспруденция всегда рассматривала их как государственных чиновников, но в то же время отказывалась признать за ними право на представительство (*caractère représentatif*), которое принадлежит только начальникам дипломатических миссий—послам и посланникам. Они получают от своих правительств не верительные грамоты, а простые назначения (*lettres de provision*) и могут осуществлять свои функции лишь после того, как правительство страны, где они пребывают, дало им экзекватуру (*exequatur*) и этим официально их признало. Их роль, таким образом, в принципе не является политической; фактически, по крайней мере на Востоке, она может стать таковой. Если мы захотим всё точно определить, мы рискуем только всё запутать. Необходимо оказывать доверие консулам и полагаться на их благоразумие, которое уберезит их от компрометирующих действий. Некоторые из них, правда, иногда слишком рьяно поддерживают частные претензии своих соотечественников, проживающих в их районе. Чем отдаленнее их пост, тем, видимо, сильнее эти консулы бывают проникнуты сознанием, что престиж их страны может быть затронут какими-нибудь деревенскими ссорами, которые показались бы в Лондоне, Париже или Берлине мелочными и жалкими. Бисмарк, который иногда раздражался по поводу агрессивного возбуждения своих подчиненных и считал ненужным брать дубинку Геркулеса для того, чтобы убить блоху, называл этот маленький недостаток *morbus consularis* (консульской болезнью). Эта болезнь свирепствует во всех странах. Талейран давно уже указал средство против неё, когда говорил своим секретарям: «Главное, господа, не слишком усердствуйте!» Тьер выразил это следующими словами: «Надо всё принимать всерьёз, ничего—трагически». Бисмарк, Талейран, Тьер—разве не забавно, что все они одинаково были озабочены тем, чтобы их агенты во всём соблюдали меру. Это хорошее правило, и оно применимо не только к консулам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ После установления республиканского строя в Турции, в 1925 г., было запрещено ношение фески, которое являлось обязательным в султанской Турции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦЕРЕМОНИАЛ

«Священны права послов у чужеземных народов».

Тацит, История, кн. III, LXXX.

Нет людей, более склонных к церемониям, чем дикари. Когда два туарега встречаются в Сахаре, то они, как только издали заметят друг друга, останавливаются, слезают с животного, на котором едут, садятся на песок и приветствуют друг друга копьём и щитом, сделанным из кожи газели; жесты их свидетельствуют о каком-то ритуале. Только познакомившись таким образом, они решаются приблизиться друг к другу. Покойный Маскерэ, профессор филологического факультета в Алжире, рассказал мне однажды, что в 1889 г., отправляясь в Париж, он привёз туда туарега, взятого нами в плен, и свёл его на всемирную выставку. Этот человек признался, что из всего виденного его особенно поразил вид оживлённой улицы. Он не мог понять, как это мы решаемся ходить в толпе без всяких предосторожностей и не имея оружия.

Возможно, что вежливость ведёт своё происхождение от страха. Так, вероятно, обстояло дело в отношениях между отдельными лицами и уже, наверно, в отношениях между нациями. В библейской «Книге царей» рассказывается о беспощадной мести, учинённой Давидом моавитянам, оскорбившим его послов; а когда азиатский царь, какой-нибудь Фарнак или Антиох, принимал послов римского сената, то в многочисленных знаках уважения по их адресу было, несомненно, больше страха, чем почтительности. Так постепенно установился обычай окружать иностранных представителей всевозможными атрибутами вежливости. Когда посольства превратились в постоянные миссии, обычай стал правилом. Так родился «Протокол». Это своего рода религия, со своеобразными обрядами и таинствами. Церемониймейстеры являются её жрецами. Их функции чрезвычайно трудны; не так просто придавать видимость чего-то реального суетным вещам и не задевать ничьего самолюбия. Для этого нужно особое призвание. Из всех церемониймейстеров, которых мне приходилось встречать, наиболее убеждённым в значительности своей должности был маркиз дель Зарко, исполнявший эти обязанности при испанском дворе. Это

был маленький человек, внимательный и услужливый, пунктуальный, точный до мелочей, не забывавший ничего, что могло бы облегчить иностранным дипломатам их задачу, в изобилии дававший хорошие советы и к тому же великий рассказчик анекдотов; он был изумителен и признавался, что, по словам короля Альфонса XII, само провидение предназначило его на этот пост.

Разумеется, правила «Протокола» в настоящее время кажутся несколько старомодными. Если находятс я ещё люди, относящиеся к ним со своего рода благоговением, то есть и такие, которые высмеивают их. Те и другие не правы. Таково уж свойство обычаев: хотя их и критикуют, им следует подчиняться. Не делать этого так же глупо, как не снимать шляпы при входе в церковь или обуви при входе в мечеть.

В сущности, не всё уж так бессмысленно в этих торжественных пустяках. Иностранные агенты являются представителями чего-то такого, что выше их самих. Воздаваемые им почести обращены к главе государства, представителями которого они являются. Между прочим недостаточно отмечено то обстоятельство, что «Протокол» не знает народов-победителей и народов-побеждённых. Он даже враждующим нациям предписывает взаимное уважение, независимо от соотношения их сил. Это, конечно, только формальность, которая по существу ещё ничего не предрешает, но на сей раз Бридуазон¹ прав, когда придаёт значение форме. Эта формальность свидетельствует об уважении к достоинству и независимости слабых наций, что уже не мало. В этом заключено всё международное право. Лига наций, которой мы так гордимся, только осуществила на практике принцип равенства суверенных государств.

Наиболее важной прерогативой иностранных послов является экстерриториальность, т. е. привилегия для них и членов их семьи не подчиняться юрисдикции страны, где они аккредитованы. «Разум,—говорит Монтескьё,—не допускает, чтобы послы зависели от государя, к которому они посланы, равно как и от его судов. Они голос государя, посылающего их, и голос этот должен быть свободен. Никакие препятствия не должны мешать им действовать. В отношении послов нужно руководствоваться соображениями, почерпнутыми из международного права, а не из права политического».

Но вследствие привилегий, которыми пользуются послы, их правительство должно заботиться, чтобы им был оказан хороший приём. Превратилось в правило не назначать посла, не получив агреман от суверена, к которому его посылают. В этом агремане редко отказывают, но всё же рекомендуется нащупать почву, прежде чем просить о нём.

Раньше, когда посол прибывал на свой пост, его принимали с церемониями. Он, как выражались, совершал свой въезд. Все

послы выезжали к нему навстречу в своих каретах и провожали его до дома. Это показное проявление вежливости чаще всего служило поводом для конфликтов, ибо каждый из этих господ оспаривал у других право на занятие более почётного места. Дипломатическая история полна таких ссор. В 1661 г. в Лондоне во время въезда шведского посла слуги испанского посла графа Ваттевила поссорились с лакеями французского посла графа д'Эстрада и перерезали построжки у его коляски; были пущены в ход шпаги, и много французов, испанцев и англичан было убито на месте. Надо благодарить небо, что теперь не бывает таких сражений; это следует приписать смягчению нравов, а также тому обстоятельству, что послы теперь отправляются к месту своей службы, как и все прочие люди, по железной дороге. К тому же Венский конгресс установил порядок старшинства (*Ordre de préséances*), и, может быть, из всех его постановлений это останется в силе дольше других. Старшинство послов устанавливается исходя из даты прибытия на занимаемый ими пост; самый старший говорит от их имени, когда они в полном сборе: он называется старшиной (*doyen*).

Из всего церемониала, которым раньше было обставлено вступление в должность послов, в настоящее время ничего не осталось. Однако вручение верительных грамот главе государства совершается ещё с некоторой торжественностью. В Испании частично сохранились обычаи XVIII века, и иностранцы всегда приходят в изумление, когда видят на улицах Мадрида кортеж, сопровождающий нового посла во дворец, совсем как во времена Карла III. Король принимает посла в тронном зале, окружённый членами правительства и всем двором, блистающим своим великолепием. Происходит любезный, но торжественный обмен речами и комплиментами. Однажды случилось, что некий рассеянный посол забыл дома верительные грамоты. Он передал королю тщательно сложенный лист бумаги,—церемония от этого ничего не утратила в своей торжественности. Разумеется, посол, как только вернулся к себе в посольство, поспешил исправить у государственного секретаря допущенную им оплошность.

Чтобы покончить с этими скучными вопросами этикета, напомню ещё, что послов титулуют «его превосходительством». Это всеобщий обычай, заимствованный у Италии конца XVI века. Французам очень трудно было приноровиться к нему, и они последними привыкли к этой манере обращения, которой свободно пользовались в Риме, Мадриде и при германских дворах. Но когда она вошла в обычай, французская галантность распространила её на жён послов; мы были тогда самым вежливым народом в мире.

Когда миссия послов заканчивается, вручение отзывных грамот совершается запросто. Однако раньше существовал обычай преподносить послам при окончании их миссии роскошные по-

дарки. Во Франции, когда венецианский посол являлся на прощальную аудиенцию, король передавал ему шпагу, которую он носил, и целовал его. Он дарил ему серебряную посуду и свой портрет, украшенный бриллиантами. Всюду считалось одинаково невежливым не делать таких подарков и отказываться их принимать: когда кардинал д'Осса, покидая Венецию, вознамерился было нарушить этот обычай, ему указали, что этим он нанесёт оскорбление республике. Венеция, впрочем, вела себя очень странно в таких делах: она способна была возбудить следствие против посланника, вернувшегося из миссии и не получившего обычных подарков. В Англии королева Елизавета, которая была женщиной гордой, делала богатые подарки. Что же касается папы, то о нём один старый автор говорит: «Он не скупился на благословения, медали и индульгенции, которые являются плодами, произрастающими на его земле».

В то время никому не приходило в голову, что эти подарки могут вызвать подозрение относительно бескорыстия посланников, которые их получали, а также относительно их лояльности по отношению к своей стране. Теперь такое отношение было бы непонятно; им до известной степени объясняется лёгкость, с которой в начале XIX века некоторые дипломаты—и среди них самые крупные—принимали подарки от государей, с которыми вели переговоры. Они ещё оставались людьми старого режима.

Без сомнения наши нравы стали более строгими, по крайней мере по видимости. Что же касается правительств, то они теперь подарков послам не делают: они довольствуются награждением их орденами, что обходится дешевле. Кроме того, вошло в привычку обмениваться этими знаками отличия каждый раз, когда визит государя, подписание договора, выставка или какая-нибудь церемония дают тому повод. Таким образом, дипломаты за время своей бродячей карьеры собирают обильную жатву из лент самых разнообразных цветов. Это бутафория их профессии.

Бывает также, что дипломатические миссии заканчиваются мало приятным образом. Неоднократно случалось, что правительства требовали отозвания посла. Такая неприятность приключилась с лордом Сэквилем, английским посланником в Америке. Накануне президентских выборов он имел неосторожность написать одному корреспонденту, спрашивавшему его мнение о различных кандидатах в президенты США. Письмо его, хотя оно носило совершенно частный характер, попало в печать. Вашингтонское правительство, возмущённое нескромностью посланника, немедленно обратилось в Лондон с требованием об его отозвании. Я был свидетелем аналогичного в известной мере инцидента. Незадолго до начала войны 1898 г. между Америкой и Испанией герцог д'Аркус, бывший тогда посланником в Вашингтоне, написал Каналехасу, находившемуся в командировке в Гаванне, письмо,

в котором бесцеремонно отзывался о президенте Мак-Кинли. Письмо это было выкрадено и попало в печать. Случайно я находился у герцога д'Аркуса в тот момент, когда помощник государственного секретаря Дэй явился к нему с вопросом, действительно ли он написал это письмо. Герцог признал его подлинность и не стал входить ни в какие объяснения. Он сказал только, что, хотя письмо это носило частный характер и было выкрадено у адресата, тем не менее тотчас же после его опубликования он послал своему правительству прошение об отставке и является теперь совершенно частным лицом. После этого герцог и Дэй расстались, выражая друг другу сожаление по поводу того, что подобный инцидент положил конец миссии посланника.

Наконец, дипломатические отношения могут быть прерваны объявлением войны. В таких случаях раньше бывало неприятно оказаться послом у турок. Вплоть до конца XVIII века султан сажал послов в Семибашенный замок, который сильно походил на тюрьму. Венецианские послы оставались там по нескольку лет, один из них умер в заключении. Во время войны из-за Кандии, в 1646 г., французский посол Ла Э-Вотле был брошен в тюремное подземелье и там избит. Алжирский бей поступал ещё более жестоко: однажды он приказал привязать французского консула Леваше к жерлу пушки. Христианские державы вели себя более гуманно. Людовик XIV даже щеголял своей утончённой вежливостью. Когда он собирался начать войну с Соединёнными провинциями, он распорядился, чтобы во всех городах, через которые будет проезжать посол провинций Питер де Гроот, ему оказывались военные почести, пока он не выедет за пределы королевства, и чтобы губернаторы пограничных крепостей выполняли его требования. С тех пор христианские державы, хотя и не заходили так далеко, всегда заботились о том, чтобы послам вражеских государств, возвращавшимся к себе домой, были предоставлены все удобства, какие только возможны, и чтобы их отъезд был окружён самым тонким вниманием.

Иногда случалось, что правительство не следовало этой традиции. Я испытал это на себе в 1914 г. Общественное мнение всего мира осудило такое забвение обычаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бридуазон* — судья из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

«Смысл меняется в зависимости от слов
которые его выражают».

Паскаль

В течение многих веков христианство знало один общий язык, латинский, которым пользовались почтенные люди, посвятившие себя умственному труду. Реформация и образование больших государств, сопровождавшееся подъёмом национального духа, уничтожили в XVI веке господство языка, который был унаследован христианским Римом от древнего Рима. Между народами воздвиглись интеллектуальные границы, порождаемые различием языка. Но нациям, конечно, необходимо, чтобы в их политические и экономические взаимоотношения не вкрадывались никакие недоразумения. Однажды в Вашингтоне, в беседе с одним выдающимся юристом, я выразил удивление по поводу стиля некоторых английских законов, не имеющих в своём тексте ни одной точки и ни одной запятой на протяжении целой страницы. Для сравнения я указал на язык нашего гражданского кодекса, сжатый и ясный. «Надо же оставить что-нибудь и юриспруденции»,—ответил с улыбкой мой собеседник. В отношениях между нациями юриспруденция устанавливается конгрессами, решениями третейских судов, а иногда войнами. Следовательно, лучше говорить ясно и по возможности ничего не оставлять для интерпретации правительств. Вот почему благодаря интеллектуальной гегемонии, которой Франция пользовалась в XVII и XVIII веках, французский язык стал языком дипломатии. Вильмен в своём предисловии к академическому словарю французского языка очень хорошо определил, что именно обеспечило нашему языку эту благородную привилегию: «Характерная особенность французского языка, делающая его столь пригодным для применения в деловых переговорах, в науке и житейском быту, особенность, которую он не может утратить, не изменившись коренным образом, заключается в ясности, инстинктивно свойственной нашему уму и всё более становившейся законом для нашей литературы. Она проявлялась в расстановке слов, в ясности выражений, в чёткости, в которой чувствуется в известной мере влияние геометрии, рационалистической науки, сформировавшей Декарта и непоколебимую точность которой Паскаль

и его друзья соединяли даже с пылом красноречия». Лучше этого не скажешь. Можно лишь опасаться, что романтизм и пристрастие к красочности несколько нарушат геометрическую точность, которой обладает наш язык. Но как бы то ни было, он в течение столетий считался, по общему признанию, самым лучшим посредником в международных сношениях, и те, кто, как англичане, составлял ноты на своём языке, должны были присоединять к ним французский перевод. Северные Дворы, в частности Россия, усвоили наш язык до такой степени, что переписка петербургского правительства с его же агентами велась по-французски. В царствование Александра III мощное панславистское движение, направленное главным образом против германского влияния, увлекло Россию на новый путь. Правительство отказалось от исключительного пользования французским языком. Но я всё-таки знавал старых русских послов, служивших при Александре II, которые попрежнему пользовались в своих донесениях только нашим языком. Граф Остен-Сакен, который в течение долгого времени блистательно представлял царя в Берлине, получил однажды с Вильгельмштрассе сообщение, написанное по-немецки. Он ответил на него по-русски, и Вильгельмштрассе немедленно прислало ему то же сообщение на французском языке. «Они поняли,— добавил Остен-Сакен, рассказывая мне этот анекдот,— что при такой новой системе они рискуют получать ноты на китайском и турецком языках».

На Венском конгрессе 1815 г. и на Парижском конгрессе 1856 г. переговоры велись на французском языке. Иначе обстояло дело в Версале в 1919 г.: здесь английский язык пользовался наравне с французским прерогативой, составлявшей до тех пор монополию нашего языка. Французский язык, повидимому, утрачивал своё значение единственного дипломатического языка; это создавало большие неудобства, на конгрессах могло повториться вавилонское столпотворение, и в Локарно говорили уже только по-французски, за что нужно поблагодарить Бриана и сэра Остина Чемберлена. Дипломатические документы, подтверждавшие соглашения между державами, были составлены только на нашем языке.

Соединённые Штаты всегда упорно настаивали на пользовании английским языком. Когда в 1895 г. в Париже заседал третейский суд для улажения затруднений, возникших между США и Англией по вопросам о юрисдикции в Беринговом море и об охране тюленей, то было решено вести все переговоры по-английски. Рибо, бывший тогда министром иностранных дел, не преминул выразить г. Виньо—американскому поверенному в делах—своё удивление по поводу того, что для дипломатического урегулирования конфликта, которое должно происходить в Париже, ставится такое условие. Президент США Гаррисон, получив от Виньо уведомление об этом разговоре, упорно настаивал на пользовании

английским языком; он только уполномочил своего поверенного в делах заявить, что когда арбитры будут высказывать свои мнения, то французские, итальянские и шведские арбитры могут это сделать на своём языке. С тех пор как США приняли активное участие в европейских делах, английский язык получил широкое распространение, тем более что США придавали мало значения традициям наших канцелярий. Наконец, некоторые дипломаты за последнее время пренебрегли старым обычаем, который до сих пор был освящён своего рода всеобщим соглашением: г. Лангверт, германский посол в Мадриде, при вручении своих верительных грамот королю Альфонсу XIII обратился к нему с небольшой речью на испанском языке.

Дипломаты всегда предпочтут наш язык из-за самого характера его, и не мы одни пожалеем, если он лишится универсального применения, которое сумели ему обеспечить Людовик XIV и Вольтер. Единый язык в международной политике создавал интеллектуальную связь между нациями. Они и так слишком склонны к обособлению, и необходимость прибегать к помощи переводчиков для установления смысла соглашений способна только создать почву для недоразумений в будущем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЕМОКРАТИЯ И ВОЙНА

«После революции, которая всё изменила, надо суметь отказаться от своей вражды, если не хочешь отречься навсегда от своего счастья».

Талейран.

В мае 1871 г., в те дни, когда армия, вступавшая в Париж, завершала победу над восстанием, Жюль Симон, бывший тогда министром народного просвещения, приехал однажды из Версаля, чтобы посетить своё министерство на улице Гренель и посмотреть, в каком состоянии его оставила Коммуна. Я сопровождал его. По окончании осмотра Жюль Симон спустился в сад. Стояла чрезвычайная жара. Париж казался опустевшим. Издали доносилась пушечная стрельба. После того как мы сделали несколько шагов, я не смог удержаться и, нарушив молчание, стал проклинать эту ужасную борьбу, которая бросила французов друг на друга в то время, когда германская армия ещё занимала Сен-Дени. «Вы ещё молоды,—сказал Жюль Симон,—никакие войны не имеют разумного оправдания, кроме гражданских или религиозных войн».

Это замечание с тех пор часто вспоминалось мне. Если когда-нибудь люди положат конец войнам между нациями, то, быть может, они увидят ещё более свирепые войны, войны классовые и войны, вызванные разногласиями во мнениях. Нет людей, более недоступных для жалости, чем мечтатели, желающие осуществить свою химеру. Заметьте, что наиболее ярые противники войны между нациями охотно содействуют гражданским распрям. Человечеству не суждено жить в мире и согласии, и люди всегда проявляли изобретательность, чтобы найти основания для ненависти и драки. Монтескьё ещё задолго до Руссо писал, что как только люди собираются в общества, они утрачивают ощущение слабости, и тогда начинается состояние войны. Поэтому нации поступают благоразумно, применив к себе слова Эмерсона, сказанные по адресу каждого из нас: «Ничему не научится в жизни тот, кто не преодолевает каждый день какого-нибудь опасения».

Однако большое значение имеет уже то, что человечество начинает приходить в ужас при мысли о войне между нациями. Соглашения о третейском суде, Гаагский трибунал, Лига наций являются выражением общего чувства, которое сделает отныне

войну более редким явлением. Это достигнуто продолжительной и медленной работой, которая сказалась даже на языке дипломатических канцелярий, ибо дипломатия была активной, но осторожной помощницей в этой эволюции умов. Кто осмелится говорить теперь о войне ради возвеличения себя? Или о завоевательной войне? Уже в течение целого столетия политические деятели испытывают необходимость придавать своим намерениям моральную окраску. Это век принципов. Революция, которая унаследовала от старой монархии всю её внешнюю политику, провозглашала, что она стремится только к освобождению народов. После 1815 г. союзные правительства ссылались на божественное право корон. Пленник на острове святой Елены ответил им со своей скалы; он напомнил, что хотел создать из Германии и Италии великие объединённые нации и передал в руки европейской демократии оружие в виде принципа национальностей. XIX век сделал из него ужасное применение. Князь Бюлов, беседуя однажды со мной о происхождении германского единства, признался мне, что, по его мнению, творцами этого единства являются два человека: Наполеон I и Бисмарк.

Когда в 1918 г. рушилось старое здание Европы, то малые нации, которые, казалось, уже навсегда были вычеркнуты из книги истории, вновь появились и принесли в Версаль свои вековые жалобы. Союзные державы выслушали их, но тут обнаружилась неспособность человеческого правосудия. В Восточной Европе нации живут вперемежку, но не смешиваясь друг с другом. Когда понадобилось установить границы для этих новых государств, пришлось оставить немцев в Польше, поляков в Германии, венгров в Румынии, греков в Турции, славян в Греции. Мы были свидетелями того, как греческое население Анатолии перебиралось через Геллеспонт, чтобы уступить место туркам, прибывшим из Румелии, а в странах, где невозможен такой варварский обмен населения, были приняты меры для защиты меньшинств. В обязанности дипломатии входит наблюдать за тем, чтобы эта защита не оказалась пустым звуком.

Странное дело, в тот самый момент, когда торжествует и уже не вызывает споров принцип национальностей, который, как утверждали, должен был обеспечить господство мира на земле, авторитет его, видимо, ослабел. Этот принцип как будто подменили. Мы наблюдаем, например, что люди, которые раньше приветствовали Польшу, когда считали её мёртвой, перестали интересоваться ею теперь, когда она стала живой и когда те, кто управляет ею, представляют собой государственных деятелей.

Нет, надежда, что освобождение угнетённых от тяготевшего над ними векового ига будет способствовать всеобщему миру, не была несбыточной мечтой! Но утверждение, что демократия сумеет сохранить мир, как бы ни складывались обстоятельства,

при которых интересы народов ставятся на карту, является безусловно несбыточным.

Слава богу, демократии чувствительны к вопросам чести. Кроме того, как и старые аристократии, они оберегают свои материальные интересы. Этого достаточно, чтобы возникали всевозможные конфликты. Верно то, что конфликты эти будут происходить реже, так как увлечь целый народ труднее, чем увлечь правительство. Весьма и весьма вероятно, что если бы в 1914 г. в Англии у власти стояла консервативная партия, то британское правительство не так медлило бы с заявлением о своей решимости вступить в войну. Возможно, что это способствовало бы сохранению мира, но нация не была бы в такой же мере единодушна в своём решении, как тогда, когда нарушение бельгийского нейтралитета Германией возмутило пуританскую совесть всего английского народа. Итак, демократические учреждения затрудняют вступление наций в войну, но отнюдь не исключают такой возможности. С другой стороны, если общественное мнение придёт в возбуждение и война вспыхнет, народы ринутся в неё всей массой, а так как армии будут включать не одни только кадровые части и наука предоставит в их распоряжение более страшное оружие, чем раньше, то войны станут все более жестокими.

Теперь уже больше не будет рыцарских войн, когда противники обменивались любезностями. Не будет также больше войн, которые не нарушали обычного хода национальной жизни и не оставляли после себя ненависти. Я был ребёнком во время Крымской войны 1855 г. и помню возвращавшиеся по парижским бульварам войска. Публика сбегалась смотреть на них, как на весёлое зрелище. Совсем иное было в 1919 г., когда перед нашими глазами по Елисейским полям проходили союзные войска. Сердце нации обливалось кровью, и кто решился бы сказать, что народ уже снял с себя траур?

Политика—даже международная политика—покинула отныне кабинеты государственных деятелей. В неё вмешался человек улицы. Он внесёт в неё свои страсти, свои инстинкты, свои предрассудки, своё невежество, и это сделает нелёгкой задачей для людей, которые, желая избежать катастроф, попытаются воззвать к его разуму.

Утром 3 августа 1914 г. статс-секретарь фон Ягов пришёл во французское посольство в Берлине сообщить мне, что Германия порвала с нами дипломатические сношения и что после полудня мне будут вручены мои паспорта. Мы были в моём кабинете. Окна его, выходявшие на Парижскую площадь, были открыты. Толпы молодых людей непрерывно проходили по площади, распевая патриотические песни; то и дело раздавались враждебные возгласы по адресу Франции. Я указал статс-секретарю

на эту возбуждённую толпу и спросил его, когда положат конец этому шуму и будет ли полиция охранять посольство. Ягов заверил меня, что будет. Но не прошло и нескольких часов, как толпа, двинувшаяся к английскому посольству, камнями разбила там окна. Император послал одного из своих офицеров к моему коллеге сэру Эдуарду Гошену, чтобы выразить ему сожаление, и я никогда не сомневался, что фон Ягов был глубоко потрясён этим инцидентом. Правительство, которому здесь повиновались как нигде и никогда, оказалось не в состоянии сдержать народные страсти. Народ словно опьянел.

Особенным отличием прошлых войн от будущих является ненависть, которую последние будут оставлять после себя именно потому, что они возбуждают национальное чувство. Не останется ни одной деревушки, где не носили бы траура; страна будет опустошена. Талейран говорил, что нужно уметь отказываться от ненависти. К несчастью, некоторые люди любят ненавидеть, они находят в этом источник энергии. Надо поэтому искать в чём-то другом, а не в демократическом чувстве, ту силу, которая помешает нациям воевать. Существует Лига наций.

ЛИГА НАЦИЙ

«Мир держится только на противоречиях. Что требуется для их устранения? Собрать Штаты рода человеческого; но люди созданы так, что если бы они оказались в согласии между собой, это явилось бы новым противоречием».

Вольтер

Идея Лиги наций не нова: Сюлли, Фенелон, добрый аббат Сен-Пьер высказывали её ещё задолго до Вильсона. Но оформилась она только недавно. Все мы были свидетелями рождения этой Лиги наций и слышали её первый крик. Естественно, она имеет своих хулителей, которые пытаются высмеивать всё, что бы она ни делала. Эти скептики преувеличивают. Лига наций всегда будет представлять среднюю линию общественного мнения: весом этого мнения она будет давить на ход событий, и, в случае, если всему миру станет грозить кризис, она явится препятствием для авантюры и авантюристов. Одним словом, она никогда не даст нам уверенности в сохранении мира, но благодаря ей—если она останется тем, чем она была до сих пор,—станет более рискованным нарушать мир. Разве это не является уже чем-то, и притом таким, чем Лига наций заслужит благодарность рода человеческого?

К несчастью, у Лиги есть друзья более опасные, чем враги: это доктринёры, которые возлагают на неё нелепые надежды и воображают, что она приведёт нас в какой-то земной рай, где не будет больше ссор между нациями. Эти энтузиасты, разумеется, провозглашают, что отныне роль дипломатии сыграна. На что она нужна, если делегаты всех наций будут ежегодно встречаться в Женеве в зале Реформации? Только курьёзом можно назвать такое представление о международных отношениях, когда воображают, будто непрерывный ход экономической и политической жизни народов может быть подчинён решениям собрания, которое постоянно не заседает. Такое постоянство как раз и обеспечивается присутствием послов и посланников в каждой из столиц Европы. Впрочем, если Лига наций и пригодна для решения некоторых вопросов, связанных с сохранением мира или с широкими моральными интересами человечества, то, право, она не в состоянии разрешать другие, более скромные, но и бесконечно более многочисленные вопросы, которыми заняты изо дня в день министерские канцелярии. Правда, некоторые из наших

современников представляют себе общественную жизнь не иначе, как в виде шумихи на собраниях; они не видят, что во всех парламентах—не на трибуне, а в кулуарах—идёт торг, при помощи которого готовятся решающие голосования. Я допускаю, что в Лиге наций нет места для дипломатов, но там всегда найдётся место для дипломатии, если под дипломатией понимать интригу и резкое столкновение интересов.

Некоторые теоретики Лиги наций склонны даже приписывать народам бескорыстие, доходящее до готовности жертвовать собой. Они полагают, что отныне народы, порвав со своим прошлым, не будут нуждаться в союзах: все суверенные нации, будучи равноправными, могут с уверенностью рассчитывать на одинаковую защиту в Лиге наций. Они, таким образом, не будут ощущать потребности в союзах для объединения своих слабых сил. Система эта проста; боюсь, что ум, породивший её, не менее прост. Представьте себе на минуту, что США вступают в Лигу наций. Неужели вы думаете, что при борьбе влияний в Женеве США не будут пользоваться большим весом, чем какая-нибудь маленькая южноамериканская республика, представитель которой окажется рядом с представителем США? Политические созвездия имеют некоторое сходство с небесными светилами: хотим мы этого или не хотим, всё равно вокруг великих держав будут образовываться системы маленьких государств, притягиваемых общими интересами или соседством. Таким образом, внутри Лиги наций естественным путём образуются группировки; в дальнейшем там могут возникнуть конфликты на почве борьбы влияний, ибо было бы чрезмерным требовать от великих держав, чтобы они отреклись от своего влияния в пользу другого государства.

В Германии перед войной 1914 г. заходили в этом отношении весьма далеко. Идея государства до такой степени преобладала там и занимала такое место в формировании национального духа, что я сам слышал в Берлине, как отстаивали тезис, что интересы малых держав должны исчезнуть и раствориться в интересах великих держав и что содействовать их поглощению является своего рода моральным долгом. Франция всегда держалась противоположного мнения: она всегда поддерживала малые национальности. Генрих IV ставил это себе в заслугу, и Вержен провозгласил то же самое накануне падения монархии. Принимая участие в Лиге наций, Франция, таким образом, остаётся верной своим традициям, ибо Лига даёт возможность слабым государствам объединиться, чтобы дать почувствовать своё влияние. Титу Ливию принадлежат страшные слова: «*Sub umbra foederis aequi, servitutem pati possumus*» (под сенью равноправного союза мы можем стерпеть рабство). Что было верно во времена Рима, остаётся верным и в наши дни. Пока будут существовать большие государства и рядом с ними маленькие, под видом союза

между якобы равными государствами может скрываться рабство. Поэтому державам, имеющим общие интересы, а также слабым государствам всегда будет необходимо приноравливаться друг к другу в своей политике. Но что бы они ни делали, надо признать, что в Лиге наций группировки будут существовать. Впрочем, это предвидели, и устав Лиги наций не запрещает частных соглашений между отдельными её членами. Какими бы наименованиями ни приукрашивали эти соглашения, называя их униями, пактами или протоколами, они будут носить характер союзов и выражать стремление к равновесию.

Но эти замечания, могут возразить мне, основаны на предвзятом мнении, что отношения между нациями всегда останутся такими, как теперь. Между тем они коренным образом меняются. Некоторые предсказывают даже образование Соединённых штатов Европы под эгидой Лиги наций. Тогда, полагают они, не будет больше надобности в союзах, потому что все государства образуют унию, нечто вроде конфедерации. Заметьте себе это выражение: Соединённые штаты Европы. Оно либо лишено всякого значения, либо это значит, что Америка, Китай, Япония, а также, без сомнения, Англия не войдут туда, т. е. уже теперь допускается возможность, что интересы европейских держав не будут совпадать с интересами остальных стран мира. Таким образом, как мы видим, возникает мысль о соперничестве, но уже не между отдельными государствами, а между целыми континентами. Такие перспективы мира способны внушить страх. Уже теперь защита американских рабочих от конкуренции жёлтого труда создаёт почти постоянную напряжённость в отношениях между США и Японией. Полагать, как это делают некоторые лжепророки, что только капитализм вызывает борьбу между нациями, было бы чистойшей фантазией. Повсюду рабочие являются наиболее протекционистски настроенными производителями и наиболее настойчиво требуют установления барьеров против иностранной конкуренции. Мы видим в Калифорнии как бы набросок того, чем может стать, несмотря на ширину океанов, экономическая борьба между континентами.

Но допустим, что образовалась европейская федерация. Будет ли этим устранена всякая возможность войны? Не возвращаясь к многочисленным войнам, которые приводили к столкновению все республики древней Греции, хотя они и были объединены в совете амфикистий¹, ставившем себе такую же задачу, как Лига наций, я отмечу только, что в настоящее время на земном шаре имеются две большие конфедерации, которые обе глубоко враждебны всякой мысли о войне,—Швейцария и США. И вот за последнее столетие Швейцарию раздирала война Зондербунда², а США—война из-за сецессии³. В Швейцарии дело шло о правах кантонов, в США—о правах штатов. Вопрос о рабстве послужил поводом

для войны в США, но он не был её истинной причиной. Дело заключалось в борьбе между суверенитетом отдельных штатов и федеральным суверенитетом; с самого возникновения конфедерации этот вопрос вызвал разногласия между Гамильтоном и Джефферсоном и послужил основанием для расхождения между двумя большими партиями, на которые раскололось общественное мнение.

Разве оба эти примера не свидетельствуют прямо о слабости всякой федеративной системы? В этом-то и состоит противоречие, о котором говорит Вольтер и которое, если ему верить, объясняется свойствами человеческой природы.

Сделаем выводы: как бы мы ни верили в способность Лиги наций восторжествовать над злобой человеческой и обеспечить всеобщий мир, мы должны признать, с одной стороны, что теоретическое равенство между отдельными государствами на практике неосуществимо, а с другой стороны, что если Лига наций когда либо создаст нечто вроде федеральной власти, то она сделает это только в ущерб независимости и суверенитету входящих в неё государств, и это не может произойти без страшного сопротивления с их стороны. Хотя Леон Буржуа, предлагая предоставить в распоряжение Лиги наций вооружённую силу, отверг всякую мысль о том, чтобы сделать Лигу каким-то сверхгосударством, тем не менее его предложение не было принято. Особенно противилась этому американская делегация. Вашингтонский сенат, так ревниво относящийся к своим прерогативам в вопросах внешней политики, никогда не принял бы на себя ответственности там, где право распоряжаться не принадлежит ему одному. Заметьте, что знаменитая доктрина Монро не преследует иной цели, как укрыть американские дела от взоров Европы, и что представители всех республик обеих Америк часто собирались на панамериканские конгрессы⁴. Не образуется ли здесь, как это недавно рекомендовал сделать Александр Альварес, генеральный секретарь Американского института международного права, зародыш Лиги наций, ограниченной одним только Новым Светом? Может быть, некоторые лица по другую сторону Атлантического океана, ни за что не желающие войти в Женевскую Лигу, охотно примирились бы с такой ограниченной Лигой, в которой легко можно было бы почувствовать гегемонию Соединённых Штатов. Если бы подобная гипотеза осуществилась, Лига наций, которую мы знаем, утратила бы свой универсальный характер. Это отразилось бы на её моральном авторитете.

Я не хочу предвидеть столь отдалённых несчастий. Приятнее верить в благоразумие людей и в развитие великого орудия мира, которое пожелали создать в Женеве. Миссия Лиги будет порой затруднительна, но её Совет только что удачно справился с ней, когда удержал греков и болгар, чуть было не передравшихся из-за пограничного инцидента⁵. Это счастливое предзнаменование.

Первое, что непременно должна делать Лига наций для избежания всякой возможности конфликта,—это следить за соблюдением договоров и в особенности противиться всякой попытке изменить силой или насилем очертания границ, которые Версальский договор установил для различных государств. «Ум человеческий—великий чудотворец»,—говорит Монтэнь. И действительно, разве не было чудом, когда либеральные нации договорились предоставить Лиге наций право вмешательства, в котором они в своё время так сурово отказывали Священному союзу, когда последний пожелал сохранить Европейский статут 1815 г.

С другой стороны, подумайте хоть минуту, что могло произойти, если бы, против ожидания, Лига наций существовала в ту пору, когда Кавур строил Италию. Вероятно, королевство Неаполитанское, Папское государство, великое герцогство Тосканское⁶ были бы членами Лиги наций, их правительства обратились бы в Женеву с жалобами на угрожающее им нападение, Лига наций попыталась бы вмешаться. Удалось ли бы ей остановить Гарибальди и его тысячу во время их похода на Неаполь? Это ещё вопрос. Я не сомневаюсь также, что в 1864 г. Дания обратилась бы в Женеву, когда Германский союз искал повода для ссоры с ней⁷. Какую бы позицию ни заняла Лига наций в том и другом случае, и Кавур и Бисмарк должны были бы считаться с ней, разве что под влиянием испуга или внутренних разногласий Лига признала бы своё бессилие.

Таким образом, сколь это ни парадоксально, Лига наций, представляющаяся нам венцом преобразований, совершившихся в старой Европе, явилась бы препятствием для этих преобразований. Многие из тех, кто относится к ней теперь с недоверием, тогда приветствовали бы её вмешательство. Решительно прав Вольтер: всё противоречиво, всё изменяется.

Интересно подвергнуть критике настоящее в свете прошлого, но этот метод сопоставления разных эпох всегда несколько бесполезен. Нет ничего вполне одинакового в смене времён. Ришельё и Мазарини изощрались, чтобы снискать благоволение своего монарха. Тысячеголового монарха, милостей которого добиваются теперь наши политики, нужно очаровывать другими приёмами, а не теми, которыми пользовались некогда. Парламентское большинство Уолпола, Пальмерстона, Виллеля подчинялось иной дисциплине, чем наши современные парламенты. И я не мог бы сравнить Лигу наций ни с одним из прежних конгрессов. Для длительного существования ей нужны содействие и добрая воля всех: она по существу представляет собой власть мнения. В этом её сила и её слабость. Она будет служить точкой опоры для представленных в ней правительств, если путеводной нитью для них будут служить идеи, получившие широкое распространение. Она может стать помехой, если они будут стремиться к осуществлению каких

нибудѣ необыкновенных замыслов: она будет опасаться героев. Роль прессы усилится, и некоторые нации, особенно опытные в искусстве пропаганды, будут с каждым днём всё больше вводить в заблуждение доверчивые массы. Вот в чём опасность. Сэр Артур Хелпс говорил, что половина бедствий в этом мире проистекает от неточности и неопределённости. Надо поэтому желать, чтобы общественное мнение всегда было правильно осведомлено о фактах, и услуга, которую Лига наций сумеет оказать делу мира, будет порой заключаться в том, что она даст народам время для размышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Советы амфикионий* в древней Греции — собрания племён, объединяющим центром которых являлся какой-нибудь из храмов (амфикионы — по-гречески значит живущие вокруг). Эти собрания созывались для обсуждения общих вопросов, связанных с объявлением войны или заключением мира, для суда над теми участниками амфикионий, которые нарушили общие интересы и т. д. Амфикиония могла силой оружия принудить входившие в её состав племена выполнять её постановления.
- ² Союз католических кантонов Швейцарии, основанный в 1843 г., носил с 11 мая 1845 г. название *Зондербунда*. Спротивление католиков слабым попыткам либеральных реформ привело к настоящей войне между военными силами Зондербунда и армией швейцарского сейма, закончившейся поражением католиков.
- ³ Сецессия (от латинского *Secessio* — отход) — в данном случае право американских штатов на выход из союза. В 1860 г. штат Южная Каролина заявил о своём выходе из союза. Затем откололись ещё 9 штатов.
- ⁴ Панамериканские конференции — собирающиеся каждые пять лет конференции Панамериканского союза, объединяющего США и двадцать республик Латинской Америки. Первая конференция, созванная по инициативе США в Вашингтоне, состоялась в 1889 г.
- ⁵ Имеется в виду крупный конфликт на границе Болгарии с Грецией 26—27 июля 1924 г. Греки арестовали 70 болгар и некоторых из них убили.
- ⁶ Перечисляемые Камбоном государства существовали самостоятельно до воссоединения Италии в единое королевство в 60-х годах XIX века.
- ⁷ В 1864 г. Пруссия и Австрия предприняли войну против Дании, закончившуюся Венским миром 30 октября 1864 г., по которому герцогства Шлезвиг-Гольштейн и Лауенбург перешли во временное совместное владение Пруссии и Австрии.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ БУДУЩЕГО

«Для обеспечения лучшего будущего мы должны рассчитывать на новый дух и новые цели у наций, а не на перемену в методе».

Лорд Грей оф Фаллодон

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в будущем дипломатические агенты должны будут играть иную роль, чем тогда, когда политика делалась в тиши кабинетов. Мы живём в шумное время. Уже современные дипломаты совсем не похожи на дипломатов, заседавших на Венском конгрессе, но, как я представляю себе, те, кто придёт им на смену, будут ещё больше отличаться от них.

Сами условия материальной жизни изменили характер отношений между послами и их начальниками. Прежде агент, отправлявшийся к месту службы, увозил с собой письменные инструкции, содержавшие описание положения Европы, резюме общей политики своего правительства и точные директивы, которыми он должен был руководствоваться в текущих делах. Некоторые из этих инструкций, дошедшие до нас, представляют собой исключительно ценные исторические документы. Посол по прибытии на место назначения мог лишь редко и с трудом сноситься со своей страной; он, по возможности, согласовывал свой образ действий с инструкциями. Но так как всё зависит от обстоятельств, то ему часто приходилось проявлять собственную инициативу, и при этом обнаруживались его ум и сила характера.

Телеграф и железные дороги всё это изменили. В настоящее время посол редко получает письменные инструкции, и если он не склонен брать на себя ответственность, то к его услугам имеется телеграф, избавляющий его от всякого проявления самостоятельности. Впрочем, министерские канцелярии и не поощряют его проявлять таковую. Руководители правительств во все времена имели склонность сами вести переговоры. Эта тенденция, видимо, превращается в привычку. Нетерпение, всё сильнее проявляемое общественным мнением, некоторым образом подстёгивает министров, и они охотно разъезжают. Я лично сожалею об этом. Не все министры иностранных дел—мастера своего дела, и то обстоятельство, что они могут принимать решения во время поспешных переговоров, имеет свои неудобства. Когда между

правительствами, ведущими переговоры, ставились агенты, которые сами ничего решать не могли, это позволяло выиграть время, чтобы посоветоваться и подумать.

Но как бы часто ни происходило личное вмешательство министров, стоящих у власти, оно всё же будет исключением. В текущих делах оно не будет иметь места, и правительства всегда будут нуждаться в том, чтобы иметь в чужих странах своих представителей, людей опытных и авторитетных, для наблюдения и объяснения того, что там происходит. Роль дипломатов, таким образом, ещё не окончательно сыграна, но они должны будут приспособиться к современным нравам. К качествам, которыми они обладали раньше, им нужно будет присоединить острое ощущение современной жизни и понимание экономических нужд, которые определяют ныне политику государств. Многие из того, что раньше составляло очарование жизни дипломатов, исчезает. Можно жалеть об этом, как Роланд жалел о своей кобыле, но было бы глупо и суетно стремиться к воскрешению того, чего уже нет.

Это не значит, что возникает новая дипломатия, которая низвергнет старую в царство теней. Новая дипломатия, старая дипломатия—это слова, лишённые реального содержания. Если что и меняется, то только внешний облик, так сказать, наряд дипломатии. Сущность остаётся прежняя, потому что человеческая природа не меняется, и у наций всегда будет в распоряжении один способ улаживать возникающие между ними разногласия, и слово порядочного человека всегда будет лучшим орудием, каким только может пользоваться правительство для обеспечения торжества своим мнениям. Тьер однажды сказал мне, что не бывает ни великих, ни малых дел, существуют просто дела и что хорошему коммерсанту в его профессии часто нужно обладать такой же проницательностью и такими же общими познаниями, как и политическому деятелю в его переговорах. Такое же замечание делает в своих воспоминаниях лорд Грей, когда пишет, что представители правительств титулуют друг друга «превосходительствами», но что игра остаётся такой же, как если бы они называли друг друга Том, Дик или Гарри.

Лорд Грей также весьма справедливо замечает, что последняя война как бы вырыла ров между двумя эпохами международной политики: «Те, кто, как мы,—добавляет он,—жили и действовали до 1914 г., сталкиваются теперь с проблемами, которые кажутся им новыми и несколько смущают их. Руководство делами отчасти уже перешло и вскоре окончательно перейдёт к более молодым людям, которые, без сомнения, лучше будут понимать новые времена. Не следует думать, что если мы знаем больше о прошлом, то мы можем более ясно судить о будущем. Всё, что мы можем сделать, это поделиться с ними нашим опытом и нашими соображениями, в надежде, что они пожелают воспользоваться ими».

Конечно, следует надеяться на лучшее. Но не комбинации дипломатов и не речи политических деятелей определяют развитие человечества, а дух, которым будет проникнута сама демократия. Знает ли она только, куда идёт? Повидимому, она, как некогда народ израильский, направляется туда, где, по её представлению, находится обетованная земля, и облачный столб ведёт её.

Как бы то ни было, в прошлом дипломатия сделала большое дело. Герцог Альбер де Бройль говорил, что она была самым лучшим средством, какое придумала цивилизация для избежания того, чтобы одна только сила определяла международные отношения. Это большая похвала, и в наше время, несмотря на весь шум, который создан вокруг учреждений в Женеве и Гааге, следует сохранить некоторое уважение к тем, кто раньше скромно, и часто жертвуя своей популярностью, трудился над устройством Европы и сохранением международного мира.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

- Аво** (d'Avaux) Клод, д' (1595—1650), граф — французский дипломат; вёл длительные переговоры, предшествовавшие подписанию Вестфальского мирного договора 1648 г. — 26.
- Александр I** — русский император (1801—1825). — 32.
- Александр II** — русский император (1855—1881). — 58.
- Александр III** — русский император (1881—1894). — 58.
- Альварес** (Alvarez) Александр — чилийский юрист, профессор международного права Парижского университета, генеральный секретарь Американского института международного права. — 67.
- Альфонс XII** — испанский король (1874—1885) — 53.
- Альфонс XIII** — испанский король (1886—1931); до его совершеннолетия правила в качестве регентши его мать Мария-Христина Австрийская; свергнут с престола в результате революции 1931 г., умер в 1941 г. — 59.
- Аранда** (d'Aranda) дон Педро-Пабло-Абарка де Болеа (1718—1799), граф — испанский государственный деятель, дипломат; был послом в Париже с 1773 по 1787 г. — 29.
- Аркос** (d'Arcos), д', герцог — испанский посланник в США накануне испано-американской войны 1898 г. — 55, 56.

Б

- Бейст** (Beust) Фридрих-Фердинанд, фон (1809—1886), граф — саксонский министр-президент и министр иностранных дел, способствовал выступлению Саксонии на стороне Австрии в австро-прусской войне 1866 г. После поражения Австрии в этой войне вышел в отставку и перешёл на австрийскую службу, вначале в качестве министра иностранных дел, затем министра-президента (1867—1871 гг.) и посла Австро-Венгрии в Лондоне и Париже. — 34.
- Берни** (Bernis) Франсуа-Йоахим, де (1715—1794) — французский дипломат, кардинал. В соответствии с желанием маркизы Помпадур заключил в 1756 г. союз с Австрией, направленный против Фридриха II Прусского, и в 1757 г. — договор о разделе Пруссии; после этого был назначен министром иностранных дел, но уже в 1758 г. уволен в отставку. — 28.
- Бессарьон** (Bessarion) Иоганн (род. ок. 1395 г., ум. в 1472 г.), кардинал. Один из образованнейших людей своего времени. По поручению пап Евгения IV и Николая V выполнял важные дипломатические миссии. — 21.

- Бетман-Гольвег** (Bethmann-Hollweg) Теобальд, фон (1856—1921) — германский государственный деятель. С 1909 г. до июля 1917 г. — имперский канцлер и прусский министр-президент. — 16.
- Бирон** (Biron) Арман-Луи де Гонто (1753—1794), герцог — французский генерал, депутат Генеральных штатов 1789 г. Во время революционных войн командовал корпусом и армией. Был арестован по обвинению в измене и гильотинирован 1 января 1794 г. — 31.
- Бисмарк** (Bismarck) Отто (1815—1898), князь — германский государственный деятель и дипломат, канцлер германской империи с 1871 по 1890 г. — 12, 13, 15, 22, 34, 35, 43, 50, 61, 68.
- Борк** (Burke) Эдмонд (1729—1797) — английский государственный деятель и публицист. Известен своей непримиримой борьбой против французской буржуазной революции 1789 г. — 18.
- Бофор** (Beaufort) Франсуа де Вандом (1616—1669), герцог — побочный внук Генриха IV. Был в оппозиции к Мазарини и по приказу последнего арестован; бежал из заключения. Активно участвовал во Фронде, но по её окончательному подавлению в 1653 г. примирился с Мазарини; позднее командовал французским флотом. — 26.
- Брантом** (Brantôme) Пьер (1535—1614), аббат, до получения аббатства — Пьер де *Бурдейль* (Bourdeille) — французский мемуарист. — 21.
- Бриан** (Briand) Аристид (1862—1932) — французский политический деятель. Неоднократно стоял во главе французского правительства. Один из создателей Лиги наций и автор пакта Бриана—Келлога 1928 г. — 58.
- Бройль** (Broglie) Альбер, де (1821—1901), герцог — французский политический деятель и публицист реакционно-клерикального направления. Будучи избран в 1871 г. в Национальное собрание, стал лидером монархической оппозиции. Позднее дважды возглавлял кабинет. В 1871—1872 гг. Бройль был послом в Лондоне. — 72.
- Буржуа** (Bourgeois) Леон (1851—1925) — французский политический деятель. Неоднократно был министром, являлся почти бессменным представителем Франции в Совете Лиги наций. — 67.
- Бюлов** (Bülow) Бернгард, фон (1849—1929), князь — германский государственный деятель и дипломат. С 1897 г. был министром иностранных дел, а в 1900—1909 гг. — рейхсканцлером. — 61

В

- Валевский** (Walewski) Александр-Флориан (1810—1868), граф, сын Наполеона I и польской графини Валевской — французский дипломат. При Наполеоне III был французским посланником во Флоренции, Неаполе, Мадриде и Лондоне, а с 1855 по 1860 г. занимал пост министра иностранных дел Франции, председательствовал на Парижском конгрессе 1856 г. — 36.
- Ваттевиль** (Vatteville) Шарль, де (ум. в 1668 г.), барон — испанский посол в Лондоне в 1661 г.; был отозван в связи с тем, что нанёс оскорбление французскому послу д'Эстраду. — 54.
- Вейс** (Weiss) Жан-Жак (1827—1891) — французский публицист реакционного направления. — 27.
- Веллингтон** (Wellington) Артур-Уэллсли (1769—1852), герцог — английский фельдмаршал. Командовал союзными войсками, одержавшими победу над Наполеоном I в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г., после этого вторгся во Францию и занял Париж. — 32.
- Вержен** (Vergennes) Шарль-Гравье (1717—1787), граф — французский государственный деятель и дипломат. Был посланником в ряде государств, в том числе в Турции, в продолжение 13 лет, и в Швеции; с приходом к власти Людовика XVI стал министром иностранных дел;

- способствовал заключению в 1778 г. союза с Соединёнными Штатами против Англии. — 29, 65.
- Виллар** (Villars) Гектор (1653—1734), герцог — французский полководец и дипломат. Ещё в молодости прославился рядом побед во время голландской войны. Был посланником в Баварии (1683 г.) и в Австрии (1699 г.); дальнейшие военные успехи были достигнуты им во время войны за испанское наследство; особенно искусными были действия Виллара в упоминаемом Камбонем сражении при Денене в 1712 г., когда он разбил войска принца Евгения Савойского. — 27, 41.
- Виллель** (Villèle) Жозеф (1773—1854), граф — французский политический деятель эпохи Реставрации; с 1821 по 1828 г. возглавлял кабинет, проведший ряд реакционных мер, вызвавших в стране большое недовольство. — 63.
- Вильгельм II** — германский император и король прусский (1888—1918); свергнут с престола в 1918 г. — 15, 43.
- Вильгельм Молчаливый**, принц Оранский, граф Нассауский (1533—1584) — один из главных руководителей национально-освободительной борьбы Нидерландов против испанского владычества. — 26.
- Вильмен** (Villemain) Абель-Франсуа (1790—1870) — выдающийся французский писатель и государственный деятель, член Французской академии, умеренный либерал. — 57.
- Вильруа** (Villeroi) Франциск (1644—1730) — французский маршал. Друг детства Людовика XIV, благодаря этому сделал блестящую карьеру. Командуя французскими армиями в войне за испанское наследство, совершил ряд крупных ошибок, в результате которых французы терпели поражения. — 25.
- Вильсон** (Wilson) Вудро (1856—1924) — президент Соединённых Штатов Америки в 1913—1921 гг., один из основателей Лиги наций. — 64.
- Виньо** (Vignaud) Генри (1830—1923) — американский дипломат, в 1875—1882 гг. второй секретарь, а в 1882—1909 гг. первый секретарь американской миссии (позднее посольства) в Париже; в 1895 г. замещал отсутствовавшего посла. — 58.
- Вольней** (Volney) Константин (1757—1820) — французский учёный-ориенталист и публицист, участник буржуазной революции 1789 г. В Учредительном собрании принадлежал к умеренно правым; в период революционного террора был арестован; после термидорианского переворота уехал в Америку; при Наполеоне получил титул графа и звание сенатора. Позднее отказался от политической деятельности. — 22.
- Вольтер** (Voltaire) Мари-Франсуа Аруэ (1694—1778) — один из крупнейших просветителей XVIII в., поэт, мыслитель, историк. — 27, 59, 67, 68.

Г

- Гамбетта** (Gambetta) Леон-Мишель (1838—1882) — французский либерально-буржуазный политический деятель, один из основателей Третьей республики. — 36.
- Гамильтон** (Hamilton) Александр (1757—1804) — северо-американский политический деятель. Участник войны за независимость, один из главных лидеров партии федералистов. — 67.
- Гардинг** (Hardinge) Чарльз, лорд — английский дипломат, в 1904—1906 гг. посол в Петербурге, в 1906—1910, 1916—1920 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел, в 1920—1922 гг. посол в Париже. — 44.
- Гарибальди** (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882) — итальянский народный герой, борец за национальное освобождение и воссоединение Италии. — 68.

- Гаррисон** (Harrison) Бенджамен (1833—1901) — президент Соединённых Штатов Америки в 1889—1893 гг. — 58.
- Гейнзиус** (Heinsius) Антоний (1641—1720) — нидерландский государственный деятель. Во время войны за испанское наследство вместе с Мальборо и принцем Евгением Савойским руководил антифранцузской коалицией. — 27.
- Генрих III** — король Франции (1574—1589); последний король из династии Валуа. — 44.
- Генрих IV** — французский король (1589—1610); первый из династии Бурбонов, с 1572 г. король Наварры. — 16, 25, 27, 65.
- Гёте** (Goethe) Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — великий немецкий поэт. — 31.
- Горчаков** Александр Михайлович (1798—1883), князь — русский дипломат и государственный деятель. Занимал ряд дипломатических постов в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене и др. С 1850 г. Горчаков представлял Россию при Германском союзном сейме во Франкфурте; в 1856 г. был назначен министром иностранных дел; в 1867 г. получил звание государственного канцлера; участвовал в Берлинском конгрессе 1878 г. — 35.
- Гошен** (Gochen) Эдуард, сэр (1847—1924) — английский дипломат; с 1905 г. был послом в Вене, с 1908 г. до начала первой мировой империалистической войны посол в Берлине. — 16, 63.
- Грей** (Grey) Эдуард, сэр (1862—1933), виконт оф Фаллодон — английский политический деятель; в 1905—1916 гг. министр иностранных дел. — 71.
- Гроот** (Groot) Питер, де (1615—1678) — нидерландский государственный деятель; с 1670 г. до начала франко-голландской войны 1672 г. был посланником Соединённых нидерландских провинций во Франции. — 56.
- Гроций** (Grotius) Гуго (1583—1645) — голландский юрист и государственный деятель, один из основателей науки о международном праве. Его основная работа «О праве войны и мира». — 18.
- Гурвиль** (Gourville) Жан-Эро, де (1625—1703) — крупный финансовый делец, авантюрист; при Людовике XIV выполнял поручения дипломатического характера. — 11.

Д

- Деказ** (Decazes) Эли (1780—1860), герцог — французский политический деятель. После реставрации Бурбонов был (1815—1818 гг.) министром полиции с 1818 г. — министром внутренних дел. — 36.
- Декарт** (Descartes) Рене (1596—1650) — великий французский философ, математик, основатель аналитической геометрии. — 57.
- Делькассе** (Delcassé) Теофил (1852—1923) — французский государственный деятель и дипломат. С 1898 по 1905 г. непрерывно был министром иностранных дел в нескольких кабинетах, различных по направлению. Посол в Петербурге с 1913 по 1914 г. — 36.
- Депре** (Despréz). — 45.
- Джефферсон** (Jefferson) Томас (1743—1826) — деятель периода борьбы за независимость североамериканских колоний, главный автор Декларации независимости 4 июля 1776 г. В 1785—1789 гг. был посланником во Франции, в 1790—1794 гг. — государственным секретарём. Джефферсон — организатор партии республиканцев (впоследствии — демократов), стоявших за децентрализацию в противовес федералистам, во главе которых стоял Гамильтон. В 1801—1809 гг. Джефферсон был президентом США. — 67.
- Дино** (Dino) Доротея, де (1792—1862), герцогиня — дочь герцога Курляндского; в 1809 г. вышла замуж за племянника Талейрана — Алек-

сандра Перигора. После свержения Наполеона её салон был одним из центров реакции. — 14.

Друэн-де-Люи (Drouyn de Lhuys) Эдуард (1805—1881) — французский государственный деятель, четыре раза был министром иностранных дел Наполеона III. В августе 1866 г. предъявил Пруссии ряд территориальных требований; когда же эти требования были Бисмарком отклонены, а Наполеон III не решился объявить войну, Друэн-де-Люи был объявлен виновником дипломатической неудачи и уволен в отставку. — 36.

Дэй (Day) Уильям-Руфус (1849—1923) — американский юрист. С 1897 г. был помощником государственного секретаря США, а в 1898 г. государственным секретарём. В том же году оставил эту должность, так как был назначен председателем комиссии по мирным переговорам с Испанией. — 23, 24, 56.

Е

Евгений, принц Савойский (1663—1736) — выдающийся полководец своего времени. Будучи французом, он служил в австрийских войсках; в войне за испанское наследство нанёс французам ряд серьёзных поражений. В 1712 г. был разбит Вилларом при Денене. В 1714 г. подписал Раштадтский мир. — 27.

Елизавета — королева Англии (1558—1603), последняя королева из династии Тюдоров. — 27, 55.

Елизавета Петровна — русская императрица (1741—1761). — 29.

Ж

Жаннен (Jeannin) Пьер, известен как президент Жаннен (1540—1623) — французский государственный деятель; президент парламента в Дижоне. Пытался примирить Генриха IV с герцогом Майенским. Заключил от имени Франции оборонительный союз с Соединёнными провинциями Нидерландов (1608 г.) и вынудил Испанию заключить с Соединёнными провинциями Нидерландов перемирие на 12 лет (с 1609 г.). — 25, 26, 33, 42.

Жозеф (Père Joseph), отец Жозеф, Франсуа дю Трембле (1577—1638) — монах ордена капуцинов, советник кардинала Ришельё, пользовавшийся большим влиянием. Принимал активное участие в решении вопросов о вступлении Франции в Тридцатилетнюю войну, о поддержке восстания Португалии против Испании и пр. — 26.

Жоффри (Joffre) Жозеф (1852—1931) — главнокомандующий французской армией в 1914—1916 гг. — 15.

З

Зарко (Zarco), дель, маркиз — церемониймейстер испанского королевского двора. — 52.

И

Ионеску (Ionescu) Таке (1858—1922) — румынский политический деятель. В 1912—1914 гг. был министром внутренних дел; способствовал вступлению Румынии в войну на стороне Антанты; с 1920 г. был министром иностранных дел и короткое время в 1921—1922 гг. — министром-президентом. — 42.

Иосиф II — император Священной Римской империи германской нации (1765—1790); с 1765 по 1780 г. был соправителем своей матери императрицы Марии-Терезии. — 29.

К

Кавур (Cavour) Камилло-Бензо (1810—1861), граф — итальянский государственный деятель и дипломат. Играл руководящую роль в деле воссоединения Италии; с 1850 г. занимал ряд министерских постов, а с 1852 г. до конца жизни (с небольшим перерывом) был премьер-министром. — 34, 68.

Каналехас-и-Мендес (Canalejas y Mendez) Хосе (1854—1912) — испанский политический деятель, либерал, профессор. Начиная с 1888 г. занимал ряд министерских постов. — 55.

Карл Бургундский — см. Карл Смелый.

Карл Смелый (Charles le Téméraire) (1433—1477) — последний герцог Бургундии, деятельный участник всех коалиций феодалов против французского короля Людовика XI. Убит в бою при Нанси, где Людовик одержал решительную победу. — 21, 32.

Карл V — император Священной Римской империи германской нации (1519—1555) и испанский король (1516—1555). — 13.

Карл III — король Испании (1759—1788), с 1731 по 1734 г. герцог Пармы и Тьяченцы, с 1735 по 1759 г. король Неаполя и Сицилии. — 54.

Карнок (Carnock), лорд — см. Никольсон.

Кауниц-Ритберг (Kaunitz-Rietberg) Венцель-Антон, фон (1711—1794), князь — с 1753 г. австрийский канцлер. — 35.

Кидерлен-Вехтер (Kiderlen-Wächter) Альфред, фон (1852—1912) — германский дипломат; в 1908—1910 гг. заместитель статс-секретаря по иностранным делам, в 1910—1912 гг. статс-секретарь. — 21.

Коммин (Commines) Филипп, де (1445—1509) — французский историк. Состоял на службе у герцога бургундского Карла Смелого, а затем перешёл к Людовику XI. — 32.

Конде (Condé) Луи Бурбон (1621—1686), принц, прозванный «великим Конде», — знаменитый французский полководец, отличившийся во время Тридцатилетней войны победами, вошедшими в историю военной тактики. Как участник Фронды Конде был врагом Мазарини. В 1653 г. эмигрировал в Испанию и сражался против Франции до Пиренейского мира 1659 г., когда получил прощение. — 11, 26, 27.

Корнель (Corneille) Тома (1625—1709) — французский драматург, младший брат знаменитого драматурга Пьера Корнеля, был избран во Французскую академию. — 20.

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII в., с 1653 г. лорд-протектор Англии. — 27.

Кроу (Crowe) Эйр — в 1920—1925 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании. — 44.

Кэстлри (Castlereagh) Роберт-Стюарт (1769—1822), лорд — английский государственный деятель, в 1812—1822 гг. был министром иностранных дел. — 32.

Л

Ла Брюйер (La Bruyère) Жан (1645—1696) — французский писатель, сатирик и моралист. Его выдающееся произведение «Характеры или нравы этого века» (русс. изд. 1889 г.) посвящено описанию придворной знати, дипломатов и др., наблюдать которых он мог, будучи воспитателем герцога Бурбонского, внука Конде. — 11.

Лакло (Laclos) Пьер-Амбруаз-Франсуа Шадерло, де (1741—1803) — фран-

- цузский генерал и писатель, автор романа «Опасные связи». В политической жизни Франции в годы буржуазной революции конца XVIII в. участвовал как сторонник герцога Орлеанского. — 31.
- Ламартин* (Lamartine) Альфонс, де (1790—1869) — французский политический деятель, поэт и историк. Министр иностранных дел временного правительства, установленного февральской буржуазной революцией 1848 г. — 35.
- Лангверт фон Зиммерн* (Langwerth von Simmern), Эрнст, барон — немецкий дипломат, с 1920 по 1925 г. посол в Испании. — 59.
- Ларошфуко* (La Rochefoucauld) Луи-Александр (1743—1792), герцог — французский политический деятель. Принадлежал к тем представителям либерального дворянства, которые в Генеральных штатах 1789 г. первыми примкнули к третьему сословию. — 11, 20.
- Лафайет* (La Fayette) Мари-Жозеф, де (1757—1834), маркиз — французский политический деятель, участник революции 1789 г. и июльской революции 1830 г. В молодые годы возглавил отряд добровольцев, отправившийся в Америку для участия в войне американских колоний за независимость. — 29.
- Лафоре* (Laforêt) — французский посол при дворе турецкого султана Сулеймана в 1535 г. — 48.
- Ла Э-Воале* (La Haue-Wautelet) — французский посол в Константинополе в 1646 г. — 56.
- Лев XIII* — папа римский (1878—1903). — 49.
- Леваше* (Levacher) — французский консул в Алжире. — 56.
- Ливен* Доротея (Дарья Христофоровна) (1784—1847), княгиня — жена русского генерала Ливена; сопровождала своего мужа в Берлин (1809 г.) и Лондон (1812—1834 гг.), где он был послом России, а после его смерти (1839 г.) поселилась в Париже. Известна своим салоном. — 14.
- Ливий* (Livius) Тит (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, автор «Римской истории». — 65.
- Лион* (Lionne) Гюи, де (1611—1671) — ставленник Мазарини, впоследствии министр Людовика XIV; пользовался при дворе большим влиянием. — 26.
- Людовик XI* — французский король (1461—1483); вёл борьбу с феодалами за укрепление королевской власти и после 12-летней войны разгромил своего главного противника, бургундского герцога Карла Смелого. — 21, 32.
- Людовик XIV* — французский король (1643—1715). — 26, 27, 41, 56, 59.
- Людовик XV* — французский король (1715—1774), правнук Людовика XIV. — 28.
- Людовик XVIII* — французский король после реставрации династии Бурбонов (1814—1824). — 32, 33, 35.
- Людовик-Филипп* — см. Луи-Филипп.
- Луи-Филипп* (Louis Philippe) (1773—1850) — последний французский король; происходил из младшей орлеанской линии династии Бурбонов; занимал престол со времени июльской революции 1830 г. до февральской революции 1848 г. — 35.

М

- Мазарини* (Mazarin) Джулио (1602—1661), кардинал — французский государственный деятель и дипломат, по происхождению сицилийский дворянин. Первый министр с 1643 по 1661 г. К числу его побед как дипломата принадлежит заключение Вестфальского мира 1648 г., закончившего Тридцатилетнюю войну, и Пиренейского мира 1659 г. с Испанией. Успех Пиренейского мира был в значительной степени обусловлен тем, что Мазарини заключил в 1657 г. союз с Кромвелем, обеспечивший Франции поддержку Англии. — 20, 26, 27, 68.
- Майенский* (duc de Mayenné) Шарль (1554—1611), герцог — один из воен-

- ных руководителей Католической лиги; после поражения лиги подчинился Генриху IV. — 25.
- Макиавелли** (Machiavelli) Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский политический деятель, политический мыслитель, историк и писатель. В 1498—1512 гг. был государственным секретарём Флорентинской республики. В своих сочинениях, в особенности в книге «Государь», Макиавелли изложил свои взгляды на политику и дипломатию. — 13.
- Мак-Кинли** (McKinley) Уильям (1843—1901) — с 1896 г. президент Соединённых Штатов Америки (переизбран в 1900 г.) от республиканской партии. Ещё в бытность членом конгресса Мак-Кинли добился введения крайне протекционистского таможенного тарифа, стимулировавшего рост капиталистических монополий. В президентство Мак-Кинли США успешно провели в 1898—1900 гг. первую империалистическую войну, завершившую борьбу Соединённых Штатов Америки с Испанией из-за колоний. Мак-Кинли был убит анархистом. — 23, 24, 56.
- Мальборо** (Marlborough) Джон-Черчилль (1650—1722) — английский государственный деятель и полководец. Вместе с принцем Евгением Савойским играл руководящую роль в коалиции держав против Людовика XIV (война за испанское наследство), командовал во время этой войны английскими войсками во Фландрии. — 27.
- Маргарита Французская, или Валуа** (1553—1615) — с 1752 г. жена короля наваррского, будущего французского короля Генриха IV; была сторонницей враждебной Генриху IV Католической лиги. После вступления Генриха IV на французский престол папа римский в 1599 г. расторг их бездетный брак. — 25.
- Мария-Антуанетта** (Marie-Antoinette) (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI, дочь Марии-Терезии. Была осуждена революционным трибуналом по обвинению в государственной измене и гильотинирована. — 29.
- Мария-Терезия** (Maria-Theresia) — императрица Священной Римской империи германской нации, королева Венгрии и Чехии, великая герцогиня тосканская и эрцгерцогиня австрийская (1740—1780). — 29.
- Маскерэ** (Masquegay) — профессор филологического факультета Алжирского университета. — 52.
- Меттерних** (Metternich) Клеменс-Венцель-Лотарь (1773—1859), князь — австрийский политический деятель и дипломат, вдохновитель европейской реакции и организатор Священного союза в 1815 г. Был министром иностранных дел в 1809—1848 гг. и канцлером в 1821—1848 гг.; после революции 1848 г. эмигрировал. — 19, 29, 30, 31, 34.
- Мирабо** (Mirabeau) Оноре-Габриэль-Рикетти, де (1749—1791), граф — вождь либеральной крупной буржуазии во время французской революции 1789 г. — 31, 32.
- Монкальм** (Montcalm), де. — 14.
- Монро** (Monroe) Джеймс (1758—1831) — пятый президент Соединённых Штатов Америки, автор известной *доктрины Монро*, сформулированной в послании Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. — 67.
- Монтескьё** (Montesquieu) Шарль-Луи (1689—1755) — выдающийся французский мыслитель и теоретик государственного устройства, автор знаменитого трактата «О духе законов». — 15, 47, 53, 60.
- Монтань** (Montaigne) Мишель-Эйкем (1533—1592) — выдающийся французский писатель эпохи Возрождения. Главное его сочинение, цитируемое Камбоном, «Опыты», в русском переводе помещено в журнале «Пантеон литературы» за 1891 и 1892 гг. — 68.
- Морена** (Maugerac) Жан-Фредерик, де (1701—1781), граф — министр Людовика XVI, типичный царедворец, ничем не проявивший себя кроме умения угождать королю. — 29.

- Мюрат** (Murat) Каролина (1782—1839) — сестра Наполеона I, вышла замуж за неаполитанского короля Иоахима Мюрата. Побуждала Мюрата вступить в 1814 г. в союз с Австрией против Наполеона. Это было одной из причин благосклонности Меттерниха к Каролине Мюрат. — 31.
- Мюссе** (Musset) Альфред (1810—1857) — известный французский поэт; русский перевод упоминаемой Камбоном «Исповеди сына века» издан в 1932 г. — 36.

Н

- Наполеон I Бонапарт** (1769—1821) — с 1799 г. первый консул Французской республики, с 1802 г. пожизненный консул, с 1804 по 1814 г. французский император. — 30, 32, 43, 45, 61.
- Наполеон III Бонапарт** — племянник Наполеона I, французский император (1852—1871). — 35, 36.
- Наполеон**, принц Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт (1822—1891) — младший сын вестфальского короля Жерома Бонапарта; двоюродный брат Наполеона III; с установлением Французской империи получил титул французского принца. — 36.
- Нигра** (Nigra) Константин (1827—1907), граф — итальянский политический деятель; секретарь Кавура на Парижском конгрессе 1856 г.; был посланником в Париже, Петербурге, Лондоне и Вене. — 34.
- Низар** (Nisard) Жан-Мари-Наполеон-Дезире (1806—1888) — известный французский критик и историк литературы. — 45.
- Низар** (Nisard) — французский дипломат конца XIX в. — 45.
- Никольсон** (Nicolson), лорд Карнок, сэр Артур (1849—1928) — английский дипломат. Работал в министерстве иностранных дел с 1870 г. Был послом в Мадриде в 1904—1905 гг. и в Петербурге в 1905—1910 гг.; с 1910 по 1916 г. — постоянный заместитель министра иностранных дел. — 44.

О

- Обер-Дюбайе** (Aubert-Dubayet) Жан-Батист-Аннибал (1759—1797) — французский политический деятель, депутат Законодательного собрания (1791), посол Директории в Константинополе. — 49.
- Оранский**, принц — см. Вильгельм Молчаливый.
- Осса** (d'Ossat), Арно, д' (1537—1604) — французский кардинал и дипломат; посол во Флоренции и Венеции. — 25, 42, 55.
- Остен-Сакен** Николай Дмитриевич (1831—1912), граф — русский дипломат; в 1895—1912 гг. был послом в Берлине. — 58.
- Отенский епископ** — см. Талейран.

П

- Пальмерстон** (Palmerston) Генри-Джон-Темпл (1784—1865), лорд — английский государственный деятель, в 1830—1834, 1835—1841 и 1846—1851 гг. был министром иностранных дел, в 1852—1855 гг. — министром внутренних дел и в 1859—1865 гг. — премьер-министром. — 34, 68.
- Паскаль** (Pascal) Блез (1623—1662) — известный французский математик, физик и философ; к числу его работ принадлежит цитируемое Камбоном «Искусство убеждать». — 19, 57.
- Петион-де-Вильнёв** (Pétion de Villeneuve) Жером (1756—1794) — деятель французской буржуазной революции XVIII в. жирондист. — 22.
- Питт** (Pitt) Уильям, именуемый Питом Младшим (1759—1806), — английский государственный деятель, в 1783—1801 гг. и с 1804 г. до конца

- жизни был премьер-министром и возглавлял борьбу реакционной Европы против революционной и наполеоновской Франции. — 32.
- Плутарх* (ок. 46 г. — конец 20-х годов II в. н. э.) — древнегреческий писатель и моралист. — 29.
- Полиньяк* (Polignac) Мельхиор, де (1661—1741) — кардинал, французский дипломат и писатель. Исполнял серьёзные дипломатические поручения в Риме, Польше и Нидерландах, участвовал в работах Утрехтского конгресса. — 27.
- Помпадур* (Pompadour) Жанна-Антуанетта-Пуассон, де (1721—1764), маркиза — фаворитка французского короля Людовика XV. — 28, 29.
- Пуа* (Poix), де — княгиня, жена генерала Филиппа-Луи Пуа-де-Ноэль-Муши, который эмигрировал из Франции в период революции, вернулся в 1800 г. и в 1814 г. получил от Людовика XVIII титул пэра. — 14.

Р

- Раволь* (Ravol) Луи — французский государственный деятель, в 1589 г. министр иностранных дел. — 44.
- Расин* (Racine) Жан (1639—1699) — знаменитый французский драматург. — 20.
- Ревбель* (Rewbell) Жан-Франсуа (1747—1807) — французский политический деятель времён буржуазной революции XVIII в.; вначале якобинец, после термидорианского переворота перешёл в лагерь термидорианцев. — 22.
- Рейнгард* (Reinhard) Карл-Фридрих (1761—1837), граф — французский дипломат, по происхождению немец. Во время революции примкнул к жирондистам; в 1795 г. был директором министерства иностранных дел; занимал ряд дипломатических постов. В Вестфалии, где он был посланником, играл более значительную роль, чем король Жером Бонапарт. После первой реставрации был директором канцелярии министерства иностранных дел. — 45, 47, 48.
- Ремюза* (Rémusat) Клер-Элизабет-Жанна, де (1780—1821), графиня — французская писательница, внучка министра Людовика XVI; её салон был одним из центров литературной и политической жизни периода империи Наполеона I и реставрации. «Мемуары госпожи Ремюза» изданы на русском языке (1912 г.). — 30.
- Ренап* (Rénan) Эрнест (1823—1892) — крупнейший французский историк религии. Его «Жизнь Иисуса», вышедшая в 1863 г. и переведённая на все языки, сыграла крупную роль в разрушении легенды о Христе. — 12.
- Рено* (Renault) Луи (1843—1918) — французский юрист; с 1890 г. был юрисконсультом — советником министерства иностранных дел; участник ряда конференций, в том числе Гаагской конференции 1907 г. — 19.
- Рец* (Retz) Жан-Франсуа-Поль де Гонди (1613—1679), кардинал — один из главных деятелей Фронды; за участие в ней был арестован, затем бежал и лишь после смерти Мазарини отчасти восстановил своё прежнее положение. Рец оставил мемуары, являющиеся исключительно интересным и блестящим по форме произведением. — 26.
- Рибо* (Ribot) Александр-Феликс-Жозеф (1842—1923) — французский государственный деятель; в 1890—1892 гг. был министром иностранных дел, в 1892—1893 гг. и в 1895 г. премьер-министром; во время первой мировой войны занимал ряд министерских постов. — 58.
- Ришельё* (Richelieu) Арман-Жан дю Плесси, де (1585—1642), герцог — французский государственный деятель. С 1622 г. был кардиналом, а двумя годами позже стал министром. Ведая иностранными делами, он постепенно сосредоточил в своих руках всю власть в государстве. — 13, 26, 43, 68.

- Рошамбо* (Rochambeau) Жан-Батист де Вимер (1725—1807), граф — французский полководец, участник Семилетней войны. В 1780 г. возглавил шеститысячный отряд, отправившийся на помощь американским колонистам, ведшим войну с Англией за независимость. После французской революции получил в 1791 г. звание маршала Франции, командовал северной армией. — 29.
- Руё* (Rouillé) Пьер-Антуан (1640—1712) — французский дипломат. Во время войны за испанское наследство был посланником в Нидерландах. — 27.
- Руссо* (Rousseau) Жан-Жак (1712—1778) — знаменитый французский писатель и мыслитель. — 60.

С

- Сен-Пьер* (Saint-Pierre), аббат (светское имя Шарль-Приней-Кастель) (1658—1743) — французский публицист, один из поборников идеи так называемого «вечного мира». — 64.
- Сен-Симон* (Saint-Simon) Луи, де (1675—1755) — герцог и пэр Франции, автор мемуаров и других произведений, представляющих большую историческую ценность. — 27, 41, 42.
- Сент-Бёв* (Saint-Beuve) Огюстен (1804—1869) — французский литературный критик. — 41, 45.
- Сент-Эврмон* (Saint-Evremond) Шарль (1610—1703) — французский писатель, блестящий публицист. В 1661 г. из-за перехваченного письма, в котором он критиковал Пиренейский мирный договор, Сент-Эврмон был вынужден бежать в Англию. — 20.
- Сервьен* (Servien) Абель де Сабль (1593—1659), маркиз — французский дипломат, вместе с д'Аво вёл длительные переговоры, предшествовавшие подписанию Вестфальского мира в 1648 г. — 26.
- Симон* (Simon) Жюль (1814—1896) — французский политический деятель и философ. После революции 1848 г. был избран в Национальное собрание, где примыкал к умеренным республиканцам. После изложения Наполеона III в 1870 г. получил портфель министра народного просвещения в так называемом правительстве национальной обороны; в 1876—1877 г. был премьер-министром. — 60.
- Сталь* (Staël) Жермена, де (1766—1817) — французская писательница, дочь Неккера, министра финансов Людовика XVI. В период французской буржуазной революции принадлежала к умеренно-либеральным кругам. Её салон был самым блестящим в Париже; когда к власти пришёл Наполеон и салон мадам Сталь сделался центром оппозиции, она была выслана из Франции. — 14, 31.
- Стендаль* (Stendhal) Фредерик (1783—1842) — знаменитый французский писатель (настоящее имя и фамилия — Анри Бейль). Стендаль долго жил в Италии, которую очень любил; впервые он посетил её в 1800 г., участвуя в походе наполеоновской армии. — 30.
- Сулейман II Великолепный* — турецкий султан (1520—1566). Значительно расширил Турецкую империю; правление Сулеймана считается временем наивысшего её расцвета; в 1535 г. подписал с Францией договор, предоставлявший иностранцам некоторые права экстерриториальности. — 48.
- Сэвилл* (Sackville) Лайонель Саквил-Уэст (1827—1908), барон — английский дипломат. В 1881—1888 гг. был английским посланником в Соединённых Штатах Америки; в 1888 г. был отозван в связи с инцидентом, упоминаемым Камбоном. — 55.
- Сюлли* (Sully) Максимилиан де Бетюн (1559—1641), герцог — французский государственный деятель, министр короля Генриха IV; известен энергичной деятельностью по восстановлению хозяйства и финансов Франции после религиозных войн. — 64.

Т

- Талейран* (Talleyrand) Шарль-Морис де Перигор, князь Беневентский (1754—1838) — французский дипломат, бывший епископ Отенский. Был министром иностранных дел при Директории и при Наполеоне; содействовал реставрации Бурбонов; на Венском конгрессе 1814—1815 гг. умело использовал принцип легитимизма для усиления позиций монархической Франции. В 1830—1834 гг. Талейран был послом в Англии. — 15, 20, 29, 31, 32, 33, 34, 47, 48, 50, 63.
- Тацит* Корнелий (55—117) — римский историк; двумя его главнейшими трудами являются цитируемая Камбоном «История» и «Анналы». — 52.
- Тессе* (Tessé) Рено де Фруле (1650—1725) — маршал Франции; по поручению Людовика XIV вёл с герцогом Савойским переговоры, в результате которых был заключён Рисвикский мирный договор 1697 г. — 27.
- Тиррел* (Turgrell) Уильям, сэр — английский дипломат; в 1907—1915 гг. — секретарь министра иностранных дел; в 1925—1928 гг. — постоянный заместитель министра иностранных дел; в 1928—1934 гг. — посол в Париже. — 44.
- Толедо* (Toledo) дон Педро, де — посол испанского короля Филиппа III у Генриха IV. Его миссия, имевшая целью сближение с Францией, закончилась безрезультатно в 1608 г. — 16.
- Торси* (Torsi) Жан-Батист-Кольбер, де (1665—1746) — французский государственный деятель; в 1699—1715 гг. был министром иностранных дел Людовика XIV, принимал активное участие в заключении Утрехтского мира. — 27.
- Трембле* (Tremblay) дю — см. Жозеф.
- Тувенель* (Thouvenel) Эдуард-Антуан (1818—1866) — французский дипломат; на дипломатической службе состоял с 1840 г.; в 1860—1862 гг. был министром иностранных дел. — 36.
- Турн-и-Таксис* (Thurn und Taxis) — принцесса, сестра прусской королевы Луизы-Амелии, жены Фридриха-Вильгельма III. — 32.
- Тюрени* (Turenne) Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675) — маршал Франции, выдающийся полководец, завоевавший славу в Тридцатилетней войне и первых войнах Людовика XIV. — 27.
- Тьебо* (Thiébaud) — советник французского посольства в Соединённых Штатах Америки во время пребывания там Камбона. — 23.
- Тьер* (Thiers) Адольф (1797—1877) — французский реакционный политический деятель. В годы июльской монархии (1830—1848) неоднократно был министром; во времена Наполеона III принадлежал к умеренной оппозиции. После образования так называемого правительства национальной обороны в сентябре 1870 г. был избран на пост главы исполнительной власти республики. Подписал мирный договор с Бисмарком, возглавил борьбу против Парижской Коммуны; с августа 1871 г. Тьер был избран президентом республики, продолжая оставаться министром-президентом. — 27, 32, 36, 50, 71.

У

- Уолпол* (Walpole) Роберт, граф Орфорд (1676—1745) — английский политический деятель (Камбон ошибочно называет его Хоресом; Хорес Уолпол — писатель XVIII в.). Роберт Уолпол с 1708 г. занимал министерские посты, а в 1721—1742 гг. был премьер-министром; исключительное влияние, которым он пользовался в Англии, достигалось вседневной им системой подкупов политических деятелей. — 28, 68.

Ф

- Фенелон* (Fénélon) Франсуа де Салиньяк-де-ла-Мот (1651—1715) — французский писатель, видевший в возвращении человеческого общества к природе спасение от социальных неурядиц, войн и т. д. — 64.
- Фердинанд VII* — испанский король (1808—1833). По возведении на престол сразу же был вызван Наполеоном в Байону, где Наполеон принудил его уступить престол Жозефу Бонапарту; до 1814 г. Фердинанд находился в почётном заключении в замке Валансэ, принадлежавшем Талейрану. — 32.
- Ферри* (Ferry) Жюль (1832—1893) — политический деятель Третьей республики во Франции. В 1879—1885 гг. в различных кабинетах был министром иностранных дел и министром просвещения, в 1880—1881 и в 1883—1885 гг. — премьер-министром. Вёл энергичную колониальную политику; в результате колониальных войн Франция получила Тунис, остров Мадагаскар и ряд других владений в Африке. Авантюристская попытка завоевания Тонкина в 1885 г. окончилась провалом и привела к отставке Ферри. — 36.
- Филипп II Август* — французский король (1180—1223), вёл энергичную борьбу за объединение Франции. — 15.
- Филипп III* — испанский король (1598—1621). — 16.
- Флёри* (Fleury) Андре-Эркуль, де (1653—1743), кардинал — французский государственный деятель; с 1723 г. стал фактически первым министром Франции. — 15, 28.
- Франциск I* — король Франции (1515—1547). Его внешняя политика характеризуется войнами за Италию, Бургундию и борьбой за гегемонию в Европе. — 48.
- Фрейсине* (Freycinet) Шарль-Луи де Сольс (1828—1923) — французский политический деятель, по профессии инженер. Занимал посты министра общественных работ, министра иностранных дел и военного министра. — 36.
- Фридрих II* — прусский король (1740—1786). — 13, 29.

Х

- Хелпс* (Helps) Артур, сэр (1813—1875) — английский публицист и историк. — 69.

Ч

- Чемберлен* (Chamberlain) Остин, сэр (1863—1937) — английский политический деятель, консерватор. В 1919—1921 гг. канцлер казначейства в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа; в 1924—1929 гг. министр иностранных дел; в 1931 г. принял участие в «Национальном правительстве» Макдональда. — 58.

Ш

- Шарм* (Charmes) Фрэнсис (1848—1916) — французский публицист; в 1872—1880 и 1889—1907 гг. был редактором «Journal des Débats» и в 1893—1907 гг. — редактором «Revue des Deux Mondes»; среди его работ представляют интерес «Исторические и дипломатические этюды» («Etudes historiques et diplomatiques») (1892). — 45

Шуазель (Choiseul) Этьен-Франсуа (1719—1785), герцог д'Амбуаз, граф Стэнвиль — занимал ряд дипломатических постов, а в 1758 г. благодаря содействию маркизы Помпадур стал министром иностранных дел и пэром Франции и на протяжении двенадцати лет фактически руководил французской внешней политикой. Вёл энергичную борьбу с Англией из-за колоний. Шуазель заключил союз с Австрией и Испанией, сблизился также с Голландией и Португалией. Потеря Францией по Парижскому миру 1763 г. Канады, Луизианы и индийских владений способствовала тому, что после смерти маркизы Помпадур Шуазель впал в немилость, а в 1770 г. получил приказание удалиться в своё поместье Шантелу. — 13, 28, 29.

Э

Эмерсон (Emerson) Роч-Уолдо (1803—1882) — американский критик, поэт, моралист; автор «Опытов», представляющих своеобразный свод житейско-этических назиданий. — 60.

Эренталь (Aehrenthal) Алоис-Лекса (1854—1912), граф — австро-венгерский дипломат. В 1899—1906 гг. был послом в России, в 1906 г. — министром иностранных дел. — 42.

Эстрад (d'Estrades) Годфруа (1607—1686), граф — французский дипломат. В 1661 г. чрезвычайный посол в Англии; с 1675 г. маршал Франции. — 54.

Я

Ягов (Jagow) Готлиб, фон (1863—1935) — германский дипломат. В 1909—1918 гг. посол в Риме, в 1913—1916 гг. статс-секретарь по иностранным делам. — 62, 63.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Глава первая. Дипломат</i>	11
<i>Примечания</i>	17
<i>Глава вторая. Переговоры</i>	18
<i>Примечания</i>	24
<i>Глава третья. Дипломаты былых времён и недавнего прошлого</i>	25
<i>Примечания</i>	37
<i>Глава четвёртая. Дипломатический корпус</i>	40
<i>Примечания</i>	46
<i>Глава пятая. Консулы</i>	47
<i>Примечания</i>	51
<i>Глава шестая. Церемониал</i>	52
<i>Примечания</i>	56
<i>Глава седьмая. Дипломатический язык</i>	57
<i>Глава восьмая. Демократия и война</i>	60
<i>Глава девятая. Лига наций</i>	64
<i>Примечания</i>	69
<i>Глава десятая. Дипломатия будущего</i>	70
Указатель имён	73

Редактор *Г. Трайнина*

Подписано к печати 16 апреля 1946 г. А00034.
Съем 5¹/₂ п. л. Тираж 20 тыс. экз. Заказ № 1126.
Цена 3 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Поли-
графкнига» Огиза при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.